

<https://TheVirtualLibrary.org>

Кукольный дом

Генрик Ибсен

транскрипций: Анна Васильевна Ганзен (†1942)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Адвокат Хельмер.
Нора, его жена.
Доктор Ранк.
Фру Линне.
Частный поверенный Кругстад.
Трое маленьких детей четы Хельмер.
Анна-Мария, их нянька.
Служанка в доме Хельмера.
Посыльный.

Действие происходит в квартире Хельмера.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Уютная комната, обставленная со вкусом, но недорогой мебелью. В глубине, в средней стене, две двери: одна, справа, ведет в переднюю, другая, слева, в кабинет Хельмера. Между этими дверями пианино. Посредине левой боковой стены дверь, ближе к авансцене окно. Около окна круглый стол с креслами и диванчиком. В правой стене, несколько подалее вглубь, тоже дверь, а впереди изразцовая печка; перед нею несколько кресел и качалка. Между печкой и дверью столик. По стенам гравюры. Этажерка с фарфоровыми и прочими безделушками, книжный шкафчик с книгами в роскошных переплетах.

На полу ковер. В печке огонь. Зимний день.

В передней звонок. Немного погодя слышно, как дверь отпирают. Из передней в комнату входит, весело напевая, Нора, в верхней одежде, нагруженная ворохом пакетов и свертков, которые она складывает на стол направо. Дверь в переднюю остается открытой, и там виднеется посыльный, принесший елку и корзину, которые он отдает служанке, отворившей дверь.

Н о р а. Хорошенько припрячь елку, Элене. Дети не должны увидеть ее раньше вечера, когда она будет украшена. (*Посыльному, вынимая портмоне.*) Сколько?

П о с ы л ь н ы й. Пятьдесят эре!

Н о р а. Вот корона... Нет, оставьте себе все.

Посыльный кланяется и уходит. Нора затворяет дверь в переднюю, снимает с себя верхнее платье, продолжая посмеиваться тихим, довольным смехом.

Потом

вынимает из кармана мешочек с миндальным печеньем и съедает несколько штук. Осторожно идет к двери, ведущей в комнату мужа, и прислушивается. Да, он дома. (*Снова напевает, направляясь к столу.*)

Х е л ь м е р (*из кабинета*). Что это, жаворонок запел?

Н о р а (*развертывая покупки*). Он самый.

Х е л ь м е р. Белочка там возится?

Н о р а. Да!

Х е л ь м е р. Когда же белочка вернулась?

Н о р а. Только что. (*Прячет мешочек с печеньем в карман и обтирает себе губы.*) Поди сюда, Торвальд, погляди, чего я накупила!

Х е л ь м е р. Постой, не мешай. (*Немного погодя открывает дверь и заглядывает в комнату, держа перо в руке.*) Накупила, говоришь? Все это?.. Так птичка опять улетала сорить денежками?

Н о р а. Знаешь, Торвальд, пора же нам наконец немножко раскутиться. Это ведь первое рождество, что нам нет нужды так стесняться себя.

Х е л ь м е р. Ну и мотать нам тоже нельзя.

Н о р а. Немножко-то можно! Правда? Самую чуточку! Тебе ведь положили теперь большое жалованье, и ты будешь зарабатывать много-много денег.

Х е л ь м е р. Да, с нового года. Но выдадут мне жалованье только через три месяца.

Н о р а. Пустяки! Можно занять пока.

Х е л ь м е р. Нора! (*Подходит и шутиливо берет ее за ушко.*) Опять наше легкомыслие тут как тут. Ты представь себе, сегодня я займу тысячу крон, ты потратишь их на праздниках, а накануне Нового года мне свалится на голову черепица с крыши - и готово.

Н о р а (*закрывая ему рот рукой*). Фу! Не говори таких гадких вещей.

Х е л ь м е р. Нет, ты представь себе подобный случай,- что тогда?

Н о р а. Если бы уж случился такой ужас, то для меня было бы все равно - есть у меня долги или нет.

Х е л ь м е р. Ну, а для людей, у которых я бы занял?

Н о р а. Для них? А чего о них думать! Ведь это же чужие!

Х е л ь м е р. Нора, Нора, ты еси женщина! Но серьезно, Нора, ты ведь знаешь мои взгляды на этот счет. Никаких долгов! Никогда не занимать! На домашний очаг, основанный на займах, на долгах, ложится какая-то некрасивая

тень зависимости. Продержались же мы с тобой, храбро до сегодняшнего дня, так уж потерпим и еще немножко, - недолго ведь.

Н о р а (*отходя к печке*). Да что же, как хочешь, Торвальд.

Х е л ь м е р (*за нею*). Ну, ну, вот птичка и опустила крылышки.

А? Белочка надулась. (*Вынимает портмоне.*) Нора, как ты думаешь, что у меня тут?

Н о р а (*оборачиваясь, живо*). Деньги!

Х е л ь м е р. Вот тебе! (*Подает ей несколько бумажек.*) Господи, я ведь знаю, мало ли в доме расходов на праздниках.

Н о р а (*считая*). Десять, двадцать, тридцать, сорок. Спасибо, спасибо тебе, Торвальд. Теперь мне надолго хватит.

Х е л ь м е р. Да, уж ты постарайся.

Н о р а. Да, да, непременно. Но поди сюда, я тебе покажу, что я накупила. И как дешево! Гляди, вот новый костюм Ивару и сабля. Вот лошадка

и

труба Бобу. А вот кукла и кукольная кроватка для Эмми. Простенькие, но она все равно их скоро поломает. А тут на платья и передники прислуге. Старухе Анне-Марии следовало бы, конечно, подарить побольше...

Х е л ь м е р. А в этом пакете что?

Н о р а (*вскакивая*). Нет, нет, Торвальд! Этого тебе нельзя видеть до вечера!

Х е л ь м е р. Ну-ну! А ты вот что скажи мне, маленькая мотовка, что ты себе самой присмотрела?

Н о р а. Э, мне ровно ничего не надо.

Х е л ь м е р. Разумеется, надо! Назови же мне теперь что-нибудь такое разумное, чего бы тебе больше всего хотелось.

Н о р а. Право же, не надо. Или послушай, Торвальд...

Х е л ь м е р. Ну?

Н о р а (*перебирая пуговицы его пиджака и не глядя на него*). Если уж ты хочешь подарить мне что-нибудь, так ты бы... ты бы...

Х е л ь м е р. Ну, ну, говори же.

Н о р а (*быстро*). Ты бы дал мне деньгами, Торвальд. Сколько можешь. Я бы потом, на днях и купила себе на них что-нибудь.

Х е л ь м е р. Нет, послушай, Нора...

Н о р а. Да, да, сделай так, милый Торвальд! Прошу тебя! Я бы завернула деньги в золотую бумажку и повесила на елку. Разве это не было бы весело?

Х е л ь м е р. А как зовут тех пташек, которые вечно сорят денежками?

Н о р а. Знаю, знаю, - мотовками. Но сделаем, как я говорю, Торвальд. Тогда у меня будет время обдумать, что мне особенно нужно. Разве это не благоразумно? А?

Х е л ь м е р (*улыбаясь*). Конечно, то есть если бы ты в самом деле могла придержать эти деньги и потом действительно купить на них что-нибудь себе самой. А то и они уйдут на хозяйство, на разные ненужные мелочи, и мне опять придется раскошелиться.

Н о р а. Ах, Торвальд...

Х е л ь м е р. Тут спорить не приходится, милочка моя! (*Обнимает ее.*)

Птичка мила, но тратит ужасно много денег. Просто невероятно, как дорого обходится мужу такая птичка.

Н о р а. Фу! Как можно так говорить! Я же экономлю, сколько могу.

Х е л ь м е р (*весело*). Вот уж правда истинная! Сколько можешь. Но ты

совсем не можешь.

Н о р а (*напевает и улыбается*). Гм! Знал бы ты, сколько у нас, жаворонков и белочек, всяких расходов, Торвальд!

Х е л ь м е р. Ты маленькая чудачка! Две капли воды - твой отец. Только и хлопочешь, как бы раздобыть денег. А как добудешь - глядь, они между пальцами и прошли, сама никогда не знаешь, куда их девала. Ну что ж, приходится брать тебя такой, какова ты есть. Это уж в крови у тебя. Да, да, это в тебе наследственное, Нора.

Н о р а. Ах, побольше бы мне унаследовать от папы его качеств!

Х е л ь м е р. А мне бы не хотелось, чтобы ты была другой, чем ты есть, мой милый жавороночек! Но слушай, мне сдается, ты... у тебя... как бы это сказать? У тебя какой-то подозрительный вид сегодня.

Н о р а. У меня?

Х е л ь м е р. Ну да. Погляди-ка мне прямо в глаза.

Н о р а (*глядит на него*). Ну?

Х е л ь м е р (*грозит пальцем*). Лакомка не кутнула сегодня немножко в городе?

Н о р а. Нет, что ты!

Х е л ь м е р. Будто уж лакомка не забегала в кондитерскую?

Н о р а. Но уверяю тебя, Торвальд...

Х е л ь м е р. И не отведала варенья?

Н о р а. И не думала.

Х е л ь м е р. И не погрызла миндальных печений?

Н о р а. Ах, Торвальд, уверяю же тебя...

Х е л ь м е р. Ну-ну-ну! Естественно, я просто шучу...

Н о р а (*идя к столу направо*). Мне и в голову не пришло бы делать тебе наперекор.

Х е л ь м е р. Знаю, знаю. Ты ведь дала мне слово. (*Подходя к ней*.) Ну, оставь при себе свои маленькие рождественские секреты, моя дорогая Нора. Они, верно, всплывут наружу сегодня же вечером, когда будет зажжена елка.

Н о р а. Ты не забыл пригласить доктора Ранка?

Х е л ь м е р. Не приглашал. Да это и не нужно. Само собой, он ужинает у нас. Впрочем, я еще успею ему напомнить: он зайдет до обеда. Вино я заказал хорошее. Нора, ты не поверишь, как я радуюсь сегодняшнему вечеру.

Н о р а. И я! А дети-то как будут рады, Торвальд!

Х е л ь м е р. Ах, какое наслаждение сознавать, что ты добился верного, обеспеченного положения, что у тебя будет теперь солидный доход. Не правда ли, приятное сознание?

Н о р а. О, чудесно!

Х е л ь м е р. А помнишь прошлое рождество? Ты целые три недели затворялась у себя по вечерам и до поздней ночи все мастерила цветы и какие-то другие прелести для елки, которыми хотела всех нас поразить. У-у, скучнее времени я не запомню.

Н о р а. Я-то вовсе не скучала.

Х е л ь м е р (*с улыбкой*). Но толку-то вышло немного, Нора.

Н о р а. Ты опять будешь меня дразнить этим? Что же я могла поделывать,

если кошка забралась и все разодрала в куски!

Х е л ь м е р. Ну, разумеется, ничего не могла поделывать, моя бедняжечка. Ты от всей души хотела нас всех порадовать, и в этом вся суть. Но хорошо все-таки, что эти тугие времена прошли.

Н о р а. Да, прямо чудесно!

Х е л ь м е р. Не нужно больше ни мне сидеть одному и скучать, ни тебе портить свои милые, славные глазки и нежные ручки...

Н о р а (*хлопая о ладоши*). Не правда ли, Торвальд, не нужно больше? Ах, как чудесно, восхитительно слышать это! (*Берет его под руку.*) Теперь я расскажу тебе, как я мечтаю устроиться, Торвальд. Вот, как только праздники пройдут...

Звонок в передней.

Ах, звонят! (*Прибирает немного в комнате.*) Верно, кто-нибудь к нам. Досадно.

Х е л ь м е р. Если кто-нибудь в гости, меня нет дома, помни.

С л у ж а н к а (*в дверях передней*). Барыня, там незнакомая дама.

Н о р а. Так проси сюда.

С л у ж а н к а (*Хельмеру*). И доктор.

Х е л ь м е р. Прямо ко мне прошел?

С л у ж а н к а. Да, да.

Хельмер уходит в кабинет. Служанка вводит фру Линне, одетую по-дорожному, и закрывает за нею дверь.

Ф р у Л и н н е (*смущенно, с запинкой*). Здравствуй, Нора.

Н о р а (*неуверенно*). Здравствуйте...

Ф р у Л и н н е. Ты, видно, не узнаешь меня?

Н о р а. Нет. Не знаю... Да, кажется... (*Порывисто.*) Как! Кристина... Неужели ты?!

Ф р у Л и н н е. Я.

Н о р а. Кристина! А я-то не узнала тебя сразу! Да и как было... (*Понизив голос.*) Как ты переменялась, Кристина!

Ф р у Л и н н е. Еще бы. За девять-десять долгих лет...

Н о р а. Неужели мы так давно не видались? Да, да, так и есть. Ах, последние восемь лет - вот, право, счастливое было время!.. Так ты приехала сюда, к нам в город? Пустилась в такой длинный путь зимой! Храбрая!

Ф р у Л и н н е. Я сегодня только приехала с утренним пароходом.

Н о р а. Чтобы повеселиться на праздниках, конечно. Ах, как славно! Ну и повеселимся же! Да ты разденься. Тебе ведь не холодно? (*Помогает ей.*) Вот так. Теперь усядемся поудобнее около печки. Нет, ты в кресло! А я на качалку! (*Берет ее за руки.*) Ну вот, теперь опять у тебя твое прежнее лицо. Это лишь в первую минуту... Хотя немножко ты все-таки побледнела, Кристина, и, пожалуй, немножко похудела.

Ф р у Л и н н е. И сильно, сильно постарела, Нора.

Н о р а. Пожалуй, немножко, чуть-чуть, вовсе не очень. (*Вдруг останавливается и переходит на серьезный тон.*) Но какая же я пустоголовая

-
сiju тут, болтаю! Милая, дорогая Кристина, прости меня!

Ф р у Л и н н е. В чем дело, Нора?

Н о р а (*тихо*). Бедная Кристина, ты же овдовела.

Ф р у Л и н н е. Три года назад.

Н о р а. Да, я знаю. Я читала в газетах. Ах, Кристина, поверь, я столько раз собиралась написать тебе в то время, да все откладывала, все что-нибудь мешало.

Ф р у Л и н н е. Милая Нора, я отлично понимаю.

Н о р а. Нет, это было гадко с моей стороны, Кристина. Ах ты, бедняжка, сколько ты, верно, перенесла. И он не оставил тебе никаких средств?

Ф р у Л и н н е. Никаких.

Н о р а. Ни детей?

Ф р у Л и н н е. Ни детей.

Н о р а. Ничего, стало быть?

Ф р у Л и н н е. Ничего. Даже ни горя, ни сожалений, чем можно было бы питать память.

Н о р а (*глядя на нее недоверчиво*). Но как же это может быть, Кристина?

Ф р у Л и н н е (*с горькой улыбкой, глядя Нору по голове*). Иногда бывает, Нора.

Н о р а. Значит, одна-одинешенька. Как это должно быть ужасно тяжело. А у меня трое прелестных детей. Сейчас ты их не увидишь. Они гуляют с нянькой.

Но ты непременно Расскажи мне обо всем...

Ф р у Л и н н е. Нет, нет, нет, рассказывай лучше ты.

Н о р а. Нет, сначала ты. Сегодня я не хочу быть эгоисткой. Хочу думать только о твоих делах. Но одно все-таки мне надо сказать тебе. Знаешь, какое счастье привалило нам на днях?

Ф р у Л и н н е. Нет. Какое?

Н о р а. Представь, муж сделался директором Акционерного банка!

Ф р у Л и н н е. Твой муж? Вот удача!..

Н о р а. Невероятная! Адвокатура - это такой неверный хлеб, особенно если желаешь браться только за самые чистые, хорошие дела. А Торвальд, разумеется, других никогда не брал, и я, конечно, вполне с ним согласна. Ах, ты понимаешь, как мы рады. Он вступит в должность с Нового года и будет получать большое жалованье и хорошие проценты. Тогда мы сможем жить совсем

по-другому, чем до сих пор, - вполне по своему вкусу. Ах, Кристина, у меня так легко стало на сердце, я так счастлива! Ведь это же чудесно иметь много-много денег и не знать ни нужды, ни забот. Правда?

Ф р у Л и н н е. Да, во всяком случае, должно быть чудесно иметь все необходимое.

Н о р а. Нет, не только необходимое, но много-много денег.

Ф р у Л и н н е (*улыбаясь*). Нора, Нора! Ты все еще не стала благоразумнее! В школе ты была большой мотовкой.

Н о р а (*тихо посмеиваясь*). Торвальд и теперь меня так зовет. (*Грозит пальцем.*) Однако "Нора, Нора" не такая уж сумасбродка, как вы воображаете...

Нам, право, не так жилось, чтобы я могла мотать. Нам обоим приходилось работать!

Ф р у Л и н н е. И тебе?

Н о р а. Ну да, разные там мелочи по части рукоделья, вязанья, вышиванья и тому подобного. (*Вскользь.*) И... кое-что еще. Ты ведь знаешь, что Торвальд оставил службу в министерстве, когда мы поженились? Не было никаких видов на повышение, а зарабатывать ведь надо было больше прежнего.

Ну, в первый год он работал сверх всяких сил. Просто ужасно. Ему приходилось

брать всякие добавочные занятия - ты понимаешь - и работать с утра до вечера. Ну и не выдержал, захворал, был при смерти, и доктора объявили, что необходимо отправить его на юг.

Ф р у Л и н н е. Вы и провели тогда целый год в Италии?

Н о р а. Ну да. А не легко было нам подняться с места, поверь. Ивар тогда только что родился. Но ехать все-таки было необходимо. Ах, что это была за чудная, дивная поездка! И Торвальд был спасен. Но сколько денег пошло - страсть, Кристина!

Ф р у Л и н н е. Могу себе представить.

Н о р а. Тысяча двести специй-далеров.* Четыре тысячи восемьсот крон. Большие деньги.

Ф р у Л и н н е. Да, но, во всяком случае, большое счастье, если есть где взять их в такое время.

Н о р а. Надо тебе сказать, мы получили их от папы.

Ф р у Л и н н е. А, так. Да, кажется, отец твой как раз тогда и умер.

Н о р а. Да, как раз тогда. И подумай, я не могла поехать к нему, ходить за ним. Я со дня на день ждала малютку Ивара. И вдобавок у меня на руках был мой бедный Торвальд, чуть не при смерти. Милый, дорогой папа! Так

и не пришлось мне больше свидеться с ним, Кристина. Это самое тяжелое горе,

что я испытала замужем.

Ф р у Л и н н е. Я знаю, ты очень любила отца. Так, значит, после этого вы отправились в Италию?

Н о р а. Да. Деньги ведь у нас были, а доктора гнали... Мы и уехали через месяц.

Ф р у Л и н н е. И муж твой вернулся вполне здоровым?

Н о р а. Совершенно!

Ф р у Л и н н е. А... доктор?

Н о р а. То есть?

Ф р у Л и н н е. Кажется, девушка сказала, что господин, который пришел со мной вместе, - доктор.

Н о р а. А-а, это доктор Ранк. Но он приходит не с врачебным визитом. Это наш лучший друг, и уж хоть разок в день, да навещает к нам. Нет, Торвальд с тех пор ни разу не прихворнул даже. И дети бодры и здоровы, и я. (*Вскакивая и хлопая в ладоши.*) О господи, Кристина, как чудесно жить и

чувствовать себя счастливой! Нет, это просто отвратительно с моей стороны - я говорю все только о себе. (*Садится на скамеечку рядом с фру Линне и кладет*

руки ей на колени.) Ты не сердись на меня!.. Скажи, правда это: ты в самом деле не любила своего мужа? Зачем же ты вышла за него?

Ф р у Л и н н е. Мать моя была еще жива, но такая слабая, беспомощная, не вставала с постели. И еще у меня были на руках два младших брата. Я и не сочла себя вправе отказать ему.

Н о р а. Да, да, пожалуй, ты права. Значит, он был тогда богат?

Ф р у Л и н н е. Довольно состоятелен, кажется. Но дело его было поставлено непрочно. И когда он умер, все рухнуло и ничего не осталось.

Н о р а. И?..

Ф р у Л и н н е. И мне пришлось перебиваться мелкой торговлей, маленькой школой и вообще чем придется. Эти три последних года тянулись для

меня, как один долгий, сплошной рабочий день без отдыха. Теперь он кончился,

Нора. Моя бедная мать не нуждается во мне больше - умерла. И мальчики стали

на ноги, сами могут о себе заботиться.

Н о р а. Так у тебя теперь легко на душе...

Ф р у Л и н н е. Не скажу. Напротив, страшно пусто. Не для кого больше жить. (*Встает в волнении.*) Оттого я и не выдержала там у нас, в медвежьем углу. Тут, верно, легче будет найти, к чему приложить силы и чем занять мысли. Удалось бы мне только получить какую-нибудь постоянную службу, какую-нибудь конторскую работу...

Н о р а. Ах, Кристина, это так ужасно утомительно, а у тебя и без того такой измученный вид. Тебе бы лучше поехать куда-нибудь на купанья.

Ф р у Л и н н е (*отходя к окну*). У меня нет папы, который бы снабдил меня деньгами на дорогу, Нора.

Н о р а (*вставая*). Ах, не сердись на меня!

Ф р у Л и н н е (*идя к ней*). Милая Нора, ты на меня не сердись. Хуже всего в моем положении то, что в душе осаждается столько горечи. Работать не

для кого, а все-таки приходится хлопотать и всячески биться. Жить ведь надо, вот и становишься эгоисткой. Ты сейчас рассказала мне о счастливой перемене ваших обстоятельств, а я - поверишь - обрадовалась не столько за тебя, сколько за себя.

Н о р а. Как так? Ах, понимаю: ты думаешь, Торвальд может что-нибудь сделать для тебя?

Ф р у Л и н н е. Я это подумала.

Н о р а. Он и сделает, Кристина. Предоставь только все мне. Я так тонко-тонко все подготовлю, придумаю что-нибудь такое особенное, чем задобрить его. Ах, я бы от души хотела помочь тебе.

Ф р у Л и н н е. Как это мило с твоей стороны, Нора, что ты так горячо берешься за мое дело... Вдвойне мило с твоей стороны, - тебе самой так мало

знакомы житейские заботы и тяготы.

Н о р а. Мне? Мне они мало знакомы?

Ф р у Л и н н е (*улыбаясь*). Ну, боже мой, какие-то занятия рукоделием и тому подобное... Ты дитя, Нора!

Н о р а (*закидывая голову и прохаживаясь по комнате*). Тебе бы не следовало говорить со мной таким тоном.

Ф р у Л и н н е. Да?

Н о р а. И ты - как другие. Вы все думаете, что я не годна ни на что серьезное...

Ф р у Л и н н е. Ну-ну?

Н о р а. Что я ровно ничего такого не испытала в этой трудной жизни.

Ф р у Л и н н е. Милая Нора, ты же только что поведала мне все свои испытания.

Н о р а. Э, пустяки одни! (*Тихо.*) Главного я тебе не рассказала.

Ф р у Л и н н е. Главного? Что ты хочешь сказать?

Н о р а. Ты все смотришь на меня свысока, Кристина. А это напрасно. Ты гордишься, что несла такой тяжелый, долгий труд ради своей матери...

Ф р у Л и н н е. Я, право, ни на кого не смотрю свысока. Но верно - я горжусь и радуюсь, вспоминая, что мне выпало на долю облегчить остаток дней

моей матери.

Н о р а. Ты гордишься также, вспоминая, что сделала для братьев.

Ф р у Л и н н е. Мне кажется, я в праве.

Н о р а. И мне так кажется. Но вот ты послушай, Кристина. И мне есть чем гордиться, чему радоваться.

Ф р у Л и н н е. Не сомневаюсь! Но в каком смысле?

Н о р а. Говори тише. Вдруг Торвальд услышит! Ему ни за что в мире нельзя... Никому нельзя знать об этом, Кристина, никому, кроме тебя.

Ф р у Л и н н е. Да в чем дело?

Н о р а. Поди сюда. (*Привлекает ее на диван рядом с собой.*) Да, видишь... и мне есть чем гордиться, чему радоваться. Это я спасла жизнь Торвальду.

Ф р у Л и н н е. Спасла? Как спасла?

Н о р а. Я же рассказывала тебе о поездке в Италию. Торвальд не выжил бы, если бы не попал на юг.

Ф р у Л и н н е. Ну да. И твой отец дал вам нужные средства.

Н о р а (*с улыбкой*). Это Торвальд так думает и все другие, но...

Ф р у Л и н н е. Но...

Н о р а. Папа не дал нам ни гроша. Это я достала деньги.

Ф р у Л и н н е. Ты? Всю эту крупную сумму?

Н о р а. Тысячу двести специй. Четыре тысячи восемьсот крон. Что ты скажешь?

Ф р у Л и н н е. Но как это возможно, Нора? Выиграла в лотерею, что ли?

Н о р а (*презрительно*). В лотерею! (*Фыркает.*) Это была бы не штука!

Ф р у Л и н н е. Так откуда же ты взяла их?

Н о р а (*напевая и таинственно улыбаясь*). Гм! Тра-ля-ля-ля!

Ф р у Л и н н е. Не могла же ты занять.

Н о р а. Вот? Почему так?

Ф р у Л и н н е. Да жена ведь не может делать долгов без согласия мужа.

Н о р а (*закидывая голову*). Ну, если жена немножко смыслит в делах, если жена понимает, как нужно умненько взяться за дело, то...

Ф р у Л и н н е. Нора, я решительно ничего не понимаю.

Н о р а. И не надо тебе понимать. Я ведь и не сказала, что заняла деньги. Могла же я добыть их другим путем. (*Откидывается на спинку дивана.*)

Могла получить от какого-нибудь поклонника. При такой привлекательной наружности, как у меня...

Ф р у Л и н н е. Ты сумасбродка.

Н о р а. Теперь тебе, верно, безумно хотелось бы все узнать, Кристина?

Ф р у Л и н н е. Послушай, милая Нора, ты не выкинула чего-нибудь безрассудного?

Н о р а (*выпрямляясь на диване*). Разве безрассудно спасти жизнь своему мужу?

Ф р у Л и н н е. По-моему, безрассудно, если ты без его ведома...

Н о р а. Да ведь ему нельзя было ни о чем знать! Господи, как ты этого не понимаешь? Он не должен был и подозревать, в какой он опасности. Это мне

доктора сказали, что жизнь его в опасности, что одно спасение - увезти его на юг. Ты думаешь, я не пыталась сначала всячески выпутаться? Я заводила разговоры о том, что и мне хотелось бы побывать за границей, как другим молодым дамам. Я и плакала, и просила; говорила, что ему не худо бы помнить

о моем "положении", что теперь надо всячески мне угождать; намекала, что можно занять денег. Так он почти рассердился, Кристина. Сказал, что у меня ветер в голове и что его долг, как мужа, не потакать моим капризам и прихотям, - так он, кажется, выразился. Хорошо, хорошо, думаю я, а спасти тебя все-таки нужно, и нашла выход...

Ф р у Л и н н е. И твой муж так и не узнал от твоего отца, что деньги были не от него?

Н о р а. Так и не узнал. Папа ведь умер как раз в эти дни. Я-то хотела было посвятить его в дело и просить, чтобы он не выдавал меня. Но он был уже

так плох - и мне, к сожалению, не понадобилось прибегать к этому.

Ф р у Л и н н е. И ты до сих пор не призналась мужу?

Н о р а. Нет, боже избави, что ты! Он такой строгий по этой части. И кроме того, с его мужским самолюбием... Для него было бы так мучительно, унижительно узнать, что он обязан мне чем-нибудь. Это перевернуло бы вверх дном все наши отношения. Наша счастливая семейная жизнь перестала бы тогда

быть тем, что она есть.

Ф р у Л и н н е. И ты никогда ему не скажешь?

Н о р а (*подумав и слегка улыбаясь*). Да... когда-нибудь,

пожалуй... когда пройдет много-много лет и я уж не буду такая хорошенькая. Ты не смейся. Я, разумеется, хочу сказать: когда я уже не буду так нравиться Торвальду, как теперь, когда его уже не будут развлекать мои танцы, переодевания, декламации. Тогда хорошо будет иметь какую-нибудь заручку... (Обрывая.) Вздор, вздор, вздор! Этого никогда не будет!.. Ну, что же ты скажешь о моей великой тайне, Кристина? Гожусь я на что-нибудь? Ты не думай,

что это дело не причиняет мне больших забот. Мне, право, иногда совсем не легко бывает оправдывать в срок свои обязательства. В деловом мире, скажу я тебе, существует взнос процентов по третям и взносы в погашение долга, как это называется. А деньги всегда ужасно трудно добывать. Вот и приходилось экономить на чем только можно... понимаешь? Из денег на хозяйство я не могла

особенно много откладывать - Торвальду нужен был хороший стол. И детей нельзя было одевать кое-как. Что я получала на них, то целиком на них и уходило. Милые мои крошки

Ф р у Л и н н е. Так тебе, верно, приходилось отказывать себе самой, бедняжка?

Н о р а. Понятно. Ведь я же была больше всех заинтересована! Торвальд даст, бывало, мне денег на новое платье и тому подобное, а я всегда истрачу только половину. Все подешевле да попроще покупала. Счастье еще, что мне все

к лицу и Торвальд никогда ничего не замечал. Но самой-то мне иной раз бывало

не легко, Кристина. Ведь это такое удовольствие хорошо одеваться! Правда?

Ф р у Л и н н е. Пожалуй.

Н о р а. Ну, были у меня, конечно, и другие источники. Прошлой зимой повезло, я получила массу переписки. Каждый вечер запиралась у себя в комнате и писала, писала до поздней ночи. Ах, иной раз до того, бывало, устанешь! Но все-таки ужасно приятно было сидеть так и работать, зарабатывать деньги. Я чувствовала себя почти мужчиной.

Ф р у Л и н н е. Но сколько же тебе таким путем удалось выплатить?

Н о р а. Вот уж не могу сказать тебе в точности. В таких делах, видишь ли, очень трудно разобраться. Знаю лишь, что выплачивала столько, сколько мне удавалось сколотить. Но часто у меня прямо руки опускались. (Улыбаясь.) Тогда сяду, бывало, и начну себе представлять, что вот в меня влюбился богатый старик...

Ф р у Л и н н е. Что? Какой старик?

Н о р а. Ах, никакой!.. Что он умирает, его завещание вскрыто, и там крупными буквами написано: "Все мои деньги получает немедленно и чистоганом

любезнейшая фру Нора Хельмер".

Ф р у Л и н н е. Но, милая Нора, что же это за старик?

Н о р а. Господи, как ты не понимаешь? Никакого старика и не было вовсе. Это просто одно мое воображение. Я просто тешила себя этим, когда не знала, где добыть денег. Ну да бог с ним совсем, с этим скучным стариком.

Теперь мне все равно. Не нужно мне больше ни его, ни его завещания. Теперь у

меня нет забот, Кристина! *(Вскакивает.)* О господи, какая прелесть! Подумать только: никаких забот! Не знать ни забот, ни хлопот! Жить себе да поживать, возиться с детишками! Обставить свой дом так красиво, изящно, как любит Торвальд. А там, подумай, не за горами и весна, голубое небо, простор. Может быть, удастся прокатиться куда-нибудь. Пожалуй, спясть увидеть море! Ах, право, как чудесно жить и чувствовать себя счастливой!

В передней слышен звонок.

Ф р у Л и н н е *(встает)*. Звонят. Мне, пожалуй, лучше уйти.

Н о р а. Нет, оставайся. Сюда вряд ли кто придет. Это, верно, к Торвальду...

С л у ж а н к а *(в дверях передней)*. Извините, барыня, тут один господин желает поговорить с господином адвокатом.

Н о р а. То есть с директором банка, хочешь ты сказать.

С л у ж а н к а. С господином директором. Но я не знаю, - ведь там доктор...

Н о р а. А что это за господин?

К р о г с т а д *(в дверях)*. Это я, фру Хельмер.

Фру Линне, пораженная, вздрагивает и отворачивается к окну.

Н о р а *(делая шаг к вошедшему, с волнением, понизив голос)*. Вы? Что это значит? О чем вы хотите говорить с моим мужем?

К р о г с т а д. О банковских делах, в некотором роде. Я занимаю маленькую должность в Акционерном банке, а ваш муж будет теперь нашим директором, как я слышал...

Н о р а. Значит...

К р о г с т а д. По личному делу, фру Хельмер. Ничего больше.

Н о р а. Так будьте добры пройти к нему в кабинет. *(Равнодушно кланяется, затворяет дверь в прихожую, за тем подходит к печке посмотреть,*

хорошо ли она топится.)

Ф р у Л и н н е. Нора... кто это был?

Н о р а. Частный поверенный Кругстад.

Ф р у Л и н н е. Значит, действительно он.

Н о р а. Ты знаешь этого человека?

Ф р у Л и н н е. Знала... Несколько лет тому назад. Он ведь одно время вел дела в наших краях.

Н о р а. Да, правда.

Ф р у Л и н н е. Как он изменился!

Н о р а. Он, кажется, был очень неудачно женат.

Ф р у Л и н н е. Теперь ведь он вдовец?

Н о р а. С кучей детей... Ну вот, разгорелось. *(Закрывает дверцу печки и слегка отодвигает в сторону качалку.)*

Ф р у Л и н н е. Он, говорят, занимается самыми разными делами?

Н о р а. Да. Очень возможно. Я совсем не знаю. Но довольно нам думать о делах. Это скучно.

Из кабинета Хельмера выходит доктор Ранк.

Д о к т о р Р а н к (*еще в дверях*). Нет, нет, я не хочу мешать. Я лучше загляну к твоей жене. (*Затворяет за собою дверь и замечает фру Линне.*) Ах, извините! Я и тут, кажется, помешаю.

Н о р а. Ничуть. (*Представляет их друг другу.*) Доктор Ранк - фру Линне.

Р а н к. Вот как. Это имя я частенько слышал здесь в доме. Кажется, я обогнал вас на лестнице, когда шел сюда.

Ф р у Л и н н е. Да!.. Я поднимаюсь очень медленно. Мне трудно...

Р а н к. Ага... Маленькая порча внутреннего механизма?

Ф р у Л и н н е. Скорее простое переутомление.

Р а н к. Только? Так, верно, приехали в город отдохнуть... бегая по гостям?

Ф р у Л и н н е. Я приехала сюда искать работы.

Р а н к. Что же, это особенно верное средство от переутомления?

Ф р у Л и н н е. Жить ведь надо, доктор.

Р а н к. Да, как-то принято думать, будто это необходимо.

Н о р а. Ну, знаете, доктор!.. И вы ведь тоже не прочь пожить.

Р а н к. Ну да, положим. Как мне ни плохо, я все-таки готов жить и мучиться как можно дольше. И все мои пациенты тоже. И все нравственные калеки то же самое. Сейчас вот один такой сидит у Хельмера...

Ф р у Л и н н е (*тихо*). А!..

Н о р а. Кого вы имеете в виду?

Р а н к. Частного поверенного Кругстада, человека, о котором вы ничего не знаете. У него подгнили самые корни характера, сударыня. Но и он там начал твердить, как нечто непреложное, что и ему надо жить.

Н о р а. Да? О чем же он пришел говорить с Торвальдом?

Р а н к. Право, не знаю. Слышал только что-то насчет Акционерного банка.

Н о р а. Я не знала, что Круг... что этот частный поверенный Кругстад причастен к банку.

Р а н к. Да, он занимает там какую-то должность. (*Фру Линне.*) Не знаю, водятся ли и в ваших краях такого сорта люди, которые, точно в горячке, шныряют, повсюду, разнюхивая, не пахнет ли где нравственною гнилью, чтобы

затем быть на виду для определения на какую-нибудь выгодную должность. Здоровым же приходится смиренно оставаться за флагом..

Ф р у Л и н н е. Да ведь больные-то больше всего и нуждаются в попечении.

Р а н к (*пожимая плечами*). Вот то-то и оно-то. Благодаря таким взглядам общество и превращается в больницу.

Нора, занятая собственными мыслями, вдруг заливается негромким смехом и хлопает в ладоши.

А вы что смеетесь над этим? Знаете ли вы, в сущности, что такое общество?

Н о р а. Очень мне нужно ваше скучное общество! Я совсем другому

смеюсь... Ужасно забавно! Скажите, доктор, теперь все служащие в этом банке

подчинены Торвальду?

Р а н к. Так это-то вас так ужасно забавляет?

Н о р а (*улыбаясь и напевая*). Это уж мое дело. Мое дело. (*Прохаживается по комнате.*) Да, в самом деле, ужасно приятно подумать, что мы... то есть Торвальд приобрел такое влияние на многих, многих людей. (*Вынимает из кармана мешочек.*)

Р а н к. Те-те-те! Миндальное печенье! Я думал, это у вас запретный плод.

Н о р а. Да, но это Кристина мне принесла немножко.

Ф р у Л и н н е. Что?.. Я?..

Н о р а. Ну-ну-ну, не пугайся. Ты же не могла знать, что Торвальд запретил. Надо тебе сказать, он боится, что я испорчу себе зубы. Но что за беда - разочек! Правда, доктор? Извольте! (*Сует ему в рот печенье.*) Вот и тебе, Кристина. И мне можно одну штучку, маленькую, или уж две, так и быть. (*Прохаживается опять.*) Да, я, право, бесконечно счастлива. Одного только мне

бы ужасно хотелось еще...

Р а н к. Ну? Чего же это?

Н о р а. Ужасно бы хотелось сказать при Торвальде одну вещь.

Р а н к. Так что же вы не скажете?

Н о р а. Не смею. Это гадко.

Ф р у Л и н н е. Гадко?

Р а н к. В таком случае не советую. Но при нас можно смело... Ну, что же это вам так ужасно хотелось бы сказать при Хельмере?

Н о р а. Ужасно хотелось бы сказать: черт подери!

Р а н к. Что вы, что вы!

Ф р у Л и н н е. Помилуй, Нора!

Р а н к. Скажите. Вот он идет.

Н о р а (*пряча мешочек с печеньем*). Тсс-тсс-тсс!

Хельмер, с перекинутым через руку пальто и держа в другой руке шляпу, выходит из кабинета.

(*Идя к нему.*) Ну, милый, спровадил его?

Х е л ь м е р. Да, ушел.

Н о р а. Позволь тебя познакомить. Это Кристина, приехала сюда в город...

Х е л ь м е р. Кристина?.. Извините, но я не знаю...

Н о р а. Фру Линне, милый, фру Кристина Линне!

Х е л ь м е р. Ах, вот что! По-видимому, подруга детства моей жены?

Ф р у Л и н н е. Да, мы старые знакомые.

Н о р а. И представь себе, она пустилась в такой дальний путь, чтобы поговорить с тобой.

Х е л ь м е р. То есть как это?

Ф р у Л и н н е. Не то, чтобы собственно...

Н о р а. Кристина как раз отличная конторщица, и ей страшно хочется

попасть на службу к дельному человеку, чтобы еще поучиться побольше...

Х е л ь м е р. Весьма разумно, сударыня.

Н о р а. И когда она узнала, что ты назначен директором банка, - об этом было в газетах, - она сию же минуту полетела сюда... Правда, Торвальд, ты ради меня ведь сделаешь что-нибудь для Кристины? А?

Х е л ь м е р. Да, возможно. Вы, вероятно, вдова?

Ф р у Л и н н е. Да.

Х е л ь м е р. И опытни в конторском деле?

Ф р у Л и н н е. Да, порядочно.

Х е л ь м е р. Так весьма вероятно, что я могу доставить вам место...

Н о р а (*хлопая в ладоши*). Видишь, видишь!

Х е л ь м е р. Вы явились как раз в удачную минуту, сударыня.

Ф р у Л и н н е. О, как мне вас благодарить!

Х е л ь м е р. Не за что. (*Надевает пальто.*) Но сегодня вы уж извините меня...

Р а н к. Погоди, и я с тобой. (*Приносит из передней свою шубу и греет ее перед печкой.*)

Н о р а. Только не замешкайся, милый Торвальд!

Х е л ь м е р. С час, не больше.

Н о р а. И ты уходишь, Кристина?

Ф р у Л и н н е (*надевая пальто*). Да, надо пойти приискать себе комнату.

Х е л ь м е р. Так, может быть, выйдем вместе?

Н о р а (*помогает фру Линне*). Какая досада, что у нас так тесно, нет никакой возможности...

Ф р у Л и н н е. Что ты! Кто же об этом думает! Прощай, дорогая Нора, и спасибо тебе за все.

Н о р а. Прощай пока. Вечером ты, само собой, опять придешь. И вы, доктор. Что? Если будете хорошо себя чувствовать? Ну, конечно, будете. Только закутайтесь хорошенько.

Все выходят, прощаясь и болтая, в переднюю. С лестницы доносятся детские голоса.

Это они! Они! (*Бежит и открывает наружную дверь.*) Входит нянька Анна-Мария с детьми.

Входите! Входите! (*Наклоняется и целует детей.*) Ах вы, милые мои, славные! Погляди на них, Кристина! Ну не милашки ли?

Р а н к. Болтать на сквозняке воспрещается!

Х е л ь м е р. Идемте, фру Линне. Теперь тут впору оставаться одним мамашам.

Доктор Ранк, Хельмер и фру Линне уходят; Анна-Мария входит с детьми в комнату; Нора тоже входит в комнату, затворяя дверь в переднюю.

Н о р а. Какие вы свеженькие и веселые. И какие румянькие щечки! Прямо словно яблочки, розанчики!.. Так весело было? А, это отлично. Да? Ты катал на салазках и Боба и Эмми? Обоих зараз? Подумай! Молодец мальчуган мой

Ивар!.. Нет, дай ее подержать, Анна-Мария! Дорогая моя, милая куколка!

(Берет у няньки младшую девочку и кружится с нею.) Да, да, мама потанцует и

с Бобом! Что? В снежки играли? Ах, жаль, что меня с вами не было...

Нет, оставь, я сама их раздену, Анна-Мария. Дай, пожалуйста, мне самой, - это так весело. Там тебе кофе оставлен на печке.

Нянька уходит в дверь налево. Нора раздевает детей, разбрасывая куда попало их верхние вещи и продолжая болтать с ними.

Вот как? Большая собака гналась за вами? А не укусила?.. Нет, собаки не кусают таких славных, крохотных куколок... Ни-ни! Не заглядывать в свертки, Ивар! Что там?.. Да знали бы вы, что там! Нет, нет! Это бяка!.. Что? Играть хотите? Как же мы будем играть? В прятки? Ну, давайте в прятки. Первый пусть

Боб спрячется... Ах, мне? Ну, хорошо, я первая.

Начинается игра, сопровождаемая смехом и весельем; прячутся и в этой комнате и в соседней направо. Наконец Нора прячется под стол; дети шумно врываются в комнату, ищут мать, но не могут сразу ее найти, слышат ее заглушенный смех, бросаются к столу, поднимают скатерть и находят. Полный восторг. Нора высовывается, как бы желая испугать их. Новый взрыв восторга. Тем временем стучат во входную дверь. Никто этого не замечает. Тогда дверь из передней приотворяется и показывается Кругстад. Он выжидает с минуту. Игра продолжается.

К р о г с т а д. Извините, фру Хельмер...

Н о р а (с легким криком оборачивается и полуприподнимается). А! Что вам?

К р о г с т а д. Извините. Входная дверь стояла непритворенной. Забыли, верно, закрыть.

Н о р а (встав). Мужа нет дома, господин Кругстад.

К р о г с т а д. Знаю.

Н о р а. Ну... так что же вам угодно?

К р о г с т а д. Поговорить с вами.

Н о р а. Со... (Детям тихо.) Ступайте к Анне-Марии. Что? Нет, чужой дядя ничего худого не сделает маме. Когда он уйдет, мы поиграем еще.

(Выводит детей в комнату налево и запирает за ними дверь. С беспокойством,

напряженно.) Вы хотите поговорить со мной?

К р о г с т а д. Да, хочу.

Н о р а. Сегодня?.. Но ведь у нас еще не первое число...

К р о г с т а д. Нет, у нас сочельник. И от вас самой зависит устроить себе веселые праздники.

Н о р а. Что же вам нужно? Я совсем не могу сегодня...

К р о г с т а д. Об этом мы пока не будем говорить. О другом. У вас, верно, найдется свободная минута?

Н о р а. Гм... да, конечно, найдется, хотя...

К р о г с т а д. Хорошо. Я сидел внизу в ресторане Ульсена и видел, как ваш муж прошел по улице...

Н о р а. Да, да.

К р о г с т а д. С дамой.

Н о р а. И что же?

К р о г с т а д. Позвольте спросить: это не фру Линне?

Н о р а. Да.

К р о г с т а д. Только что приехала в город?

Н о р а. Да, сегодня.

К р о г с т а д. Она ваша близкая подруга?

Н о р а. Да. Но я не вижу...

К р о г с т а д. И я когда-то был с ней знаком.

Н о р а. Знаю.

К р о г с т а д. Да? Так вы знаете? Я так и думал. Тогда позвольте мне спросить вас без обиняков: фру Линне получит место в банке?

Н о р а. Как вы осмеливаетесь выпрашивать меня, господин Кругстад, вы, подчиненный моего мужа? Но уж раз вы спросили, так знайте: да, фру Линне получит место. И это я похлопотала за нее, господин Кругстад. Вот вам!

К р о г с т а д. Значит, я не ошибся в расчетах.

Н о р а (*ходит взад и вперед по комнате*). Я полагаю, нам можно все-таки иметь некоторое влияние. Из того, что родишься женщиной, вовсе не следует еще... И в положении подчиненного, господин Кругстад, вам, право, следовало

бы остерегаться задевать, кто... гм...

К р о г с т а д. Кто имеет влияние?

Н о р а. Именно!

К р о г с т а д (*меняя тон*). Фру Хельмер, не угодно ли будет вам пустить в ход свое влияние в мою пользу?

Н о р а. Как так? Что вы хотите сказать?

К р о г с т а д. Не угодно ли вам озаботиться тем, чтобы я сохранил свое положение подчиненного в банке.

Н о р а. Что это значит? Кто думает лишить вас его?

К р о г с т а д. О, вам незачем разыгрывать передо мной незнакомку. Я отлично понимаю, что подруге вашей не может быть приятно рисковать столкнуться со мной, и знаю тоже, кому я буду обязан изгнанием.

Н о р а. Но уверяю вас...

К р о г с т а д. Да, да, да, одним словом, время еще не ушло, и я советую вам использовать ваше влияние, чтобы предупредить это.

Н о р а. Но, господин Кругстад, у меня нет ровно никакого влияния!

К р о г с т а д. Никакого? Мне кажется, вы только что сами сказали...

Н о р а. Разумеется, я не в таком смысле. Я?.. Как вы можете думать, что я имею какое-нибудь такое влияние на своего мужа?

К р о г с т а д. О, я знаю вашего мужа со студенческой скамьи. Не думаю, чтобы господин директор был тверже других мужей.

Н о р а. Если вы будете отзываться о моем муже неуважительно, я укажу вам на дверь.

К р о г с т а д. Вы очень храбры, фру Хельмер.

Н о р а. Я не боюсь вас больше. После Нового года я живо покончу со всем этим.

К р о г с т а д (*более сдержанно*). Слушайте, фру Хельмер. В случае необходимости я буду бороться не на жизнь, а на смерть из-за своей скромной должности в банке.

Н о р а. На то и похоже, право.

К р о г с т а д. Не только из-за жалованья. О нем я меньше всего хлопочу. Но тут - другое... Ну, да на чистоту! Вот в чем дело. Вы, разумеется, так же хорошо, как и другие, знаете, что я однажды совершил необдуманый поступок.

Н о р а. Кажется, что-то такое слыхала.

К р о г с т а д. Дело не дошло до суда, но все пути для меня точно закрылись с того времени. Тогда я взялся за те дела... вы знаете. Надо же было за что-нибудь ухватиться. И, смею сказать, я был не из худших в своем роде. Но теперь мне надо выкарабкаться из этого положения. У меня сыновья подрастают. Ради них мне надо восстановить свое прежнее положение в обществе

- насколько это возможно. Место в банке было как бы первой ступенью. И вдруг

теперь ваш муж сталкивает меня опять в яму.

Н о р а. Но, боже мой, господин Кругстад, совсем не в моей власти помочь вам.

К р о г с т а д. Потому что вы не хотите, но у меня есть средство заставить вас.

Н о р а. Не расскажете ли вы моему мужу, что я задолжала вам?

К р о г с т а д. Гм! А если бы рассказал?

Н о р а. Это было бы бессовестно с вашей стороны. (*Со слезами в голосе.*) Как? Он узнает эту тайну - мою гордость и радость - таким грубым, пошлым образом - от вас? Вы хотите подвергнуть меня самым ужасным неприятностям!..

К р о г с т а д. Только неприятностям?

Н о р а (*горячо*). Но попробуйте только, вам же самому будет хуже. Тогда мой муж наконец узнает, какой вы дурной человек, и вас ни за что не оставит в банке.

К р о г с т а д. Я спрашиваю, вы боитесь только домашних неприятностей?

Н о р а. Если мой муж узнает, он, разумеется, сразу заплатит весь остаток, и нам с вами незачем будет звать.

К р о г с т а д (*делая шаг к ней*). Слушайте, фру Хельмер, или у вас память коротка, или вы ничего не смыслите в делах. Видно, придется мне растолковать вам дело пообстоятельнее.

Н о р а. Как так?

К р о г с т а д. Когда ваш муж был болен, вы явились ко мне занять тысячу двести специй.

Н о р а. Я не знала, к кому больше обратиться.

К р о г с т а д. Я взялся достать вам эту сумму...

Н о р а. И достали.

К р о г с т а д. Взаясь я достать вам ее на известных условиях. Вы были тогда так заняты болезнью вашего мужа, так озабочены, где бы достать денег

на поездку, что, пожалуй, вам некогда было разбираться в подробностях. Так не лишне напомнить вам их. Да, я взялся достать вам деньги и составил для вас долговое обязательство.

Н о р а. Ну да, которое я подписала.

К р о г с т а д. Хорошо. Но внизу я добавил несколько строк от имени вашего отца - его поручительство за вас. Эти строки должен был подписать ваш отец.

Н о р а. Должен был?.. Он и подписал.

К р о г с т а д. Я оставил место для числа. То есть ваш отец сам должен был проставить день и число, когда подпишет бумагу. Помните вы это, сударыня?

Н о р а. Кажется...

К р о г с т а д. Я передал вам долговое обязательство, чтобы вы переслали его по почте вашему отцу. Не так ли?

Н о р а. Да.

К р о г с т а д. Вы, разумеется, сейчас же сделали это, так как дней через пять-шесть принесли мне вексель с подписью вашего отца. И сумма была вам вручена.

Н о р а. Ну да, и разве я не аккуратно выплачивала?

К р о г с т а д. Ничего себе. Но... чтобы вернуться к предмету нашего разговора... Верно, тяжело вам приходилось тогда, фру Хельмер?

Н о р а. Да.

К р о г с т а д. Отец ваш, кажется, был тяжело болен?

Н о р а. При смерти.

К р о г с т а д. И вскоре умер?

Н о р а. Да.

К р о г с т а д. Скажите мне, фру Хельмер, не помните ли вы случайно дня смерти вашего отца? То есть какого месяца и числа он умер?

Н о р а. Папа умер двадцать девятого сентября.

К р о г с т а д. Совершенно верно; я осведомлялся. И вот тут-то и выходит странность... (*вынимает бумагу*), которую я никак не могу объяснить себе.

Н о р а. Какая странность? Я не знаю...

К р о г с т а д. Такая странность, фру Хельмер, что отец ваш подписал этот вексель три дня спустя после своей смерти.

Н о р а. Как так? Я не понимаю.

К р о г с т а д. Отец ваш умер двадцать девятого сентября. Но взгляните. Вот тут он пометил свою подпись вторым октября. Разве это не странность?

Н о р а молчит.

Можете вы объяснить мне ее?

Н о р а все молчит.

Примечательно еще вот что: слова "второе октября" и год написаны не почерком вашего отца, но другим, который мне кажется знакомым. Ну, это

можно еще объяснить: ваш отец мог забыть проставить число и год под своей подписью, и кто-то другой сделал это наугад, не зная еще об его смерти. В этом нет еще ничего плохого. Главное дело в самой подписи. Она-то подлинная,

фру Хельмер? Это действительно ваш отец подписался?

Н о р а *(после короткой паузы откидывает голову назад и вызывающе смотрит на него)*. Нет, не он. Это я подписалась за него.

К р о г с т а д. Слушайте, фру Хельмер... вы знаете, что это опасное признание?

Н о р а. Почему? Вы скоро получите свои деньги сполна.

К р о г с т а д. Могу я спросить вас, почему вы не послали бумагу вашему отцу?

Н о р а. Невозможно было. Он был тяжело болен. Если просить его подписи, надо было объяснить ему, на что мне понадобились деньги. А не могла же я написать ему, когда он сам был так болен, что и муж мой на краю могилы. Немыслимо было.

К р о г с т а д. Так вам бы лучше было отказаться от поездки за границу.

Н о р а. И это было невозможно. От этой поездки зависело спасение моего мужа. Не могла я отказаться от нее.

К р о г с т а д. Но вы не подумали, что таким образом обманываете меня?..

Н о р а. На это мне решительно нечего было обращать внимания. Я и думать о вас не хотела. Терпеть вас не могла за все ваши бессердечные придирки, которые вы делали, хотя и знали, в какой опасности мой муж.

К р о г с т а д. Фру Хельмер, вы, очевидно, не представляете себе ясно, в чем вы, в сущности, виноваты. Но я могу сказать вам вот что: то, в чем я попался и что сгубило все мое общественное положение, было ничуть не хуже,

не страшнее этого.

Н о р а. Вы? Вы хотите уверить меня, будто вы могли отважиться на что-нибудь такое, чтобы спасти жизнь вашей жены?

К р о г с т а д. Законы не справляются с побуждениями.

Н о р а. Так плохие, значит, это законы.

К р о г с т а д. Плохие или нет, но если я представлю эту бумагу в суд, вас осудят по законам.

Н о р а. Ни за что не поверю. Чтобы дочь не имела права избавить умирающего старика-отца от тревог и огорчения? Чтобы жена не имела права спасти жизнь своему мужу? Я не знаю точно законов, но уверена, что где-нибудь в них да должно быть это разрешено. А вы, юрист, не знаете этого! Вы, верно, плохой законник, господин Кругстад!

К р о г с т а д. Пусть так. Но в делах... в таких, какие завязались у нас с вами, вы, конечно, допускаете, что я кое-что смыслю? Так вот. Делайте, что хотите. Но вот что я говорю вам: если меня вышвырнут еще раз, вы составите мне компанию. *(Кланяется и уходит через переднюю.)*

Н о р а *(после минутного раздумья, закидывая голову)*. Э, что там!

Запугать меня хотел! Не так-то я проста. (*Принимается прибирать детские вещи, но скоро бросает.*) Но... Нет, этого все-таки не может быть! Я же сделала это из любви.

Д е т и (*в дверях налево*). Мама, чужой дядя вышел из ворот.

Н о р а. Да, да, знаю. Только никому не говорите о чужом дяде. Слышите? Даже папе!

Д е т и. Да, да, мама, но ты поиграешь с нами еще?

Н о р а. Нет, нет, не сейчас.

Д е т и. Ах, мама, ты же обещала!

Н о р а. Да, но мне нельзя теперь. Подите к себе, у меня столько дела.

Подите, подите, мои дорогие детки! (*Ласково выпроваживает их из комнаты и*

затворяет за ними дверь. Потом садится на диван, берется за вышиванье, но, сделав несколько стежков, останавливается.) Нет! (*Бросает работу, встает, идет к дверям в переднюю и зовет.*) Элене! Давай сюда елку! (*Идет к столу налево и открывает ящик стола, снова останавливается.*) Нет, это же прямо немыслимо!

С л у ж а н к а (*с елкой*). Куда поставить, барыня?

Н о р а. Туда. Посредине комнаты.

С л у ж а н к а. Еще что-нибудь подать?

Н о р а. Нет, спасибо, у меня все под рукой.

Служанка, поставив елку, уходит.

(*Принимаясь украшать елку.*) Сюда вот свечки, сюда цветы...

Отвратительный человек... Вздор, вздор, вздор! Ничего такого не может быть! Елка будет восхитительная. Я все сделаю, как ты любишь, Торвальд... Буду петь тебе, танцевать...

Из передней входит Хельмер с кипой бумаг под мышкой.

Ах!.. Уже вернулся?

Х е л ь м е р. Да. Заходил кто-нибудь?

Н о р а. Заходил?.. Нет.

Х е л ь м е р. Странно. Я видел, как Кругстад вышел из ворот.

Н о р а. Да?.. Ах да, правда, Кругстад, он заходил сюда на минуту.

Х е л ь м е р. Нора, я по твоему лицу вижу, он приходил просить, чтобы ты замолвила за него слово.

Н о р а. Да.

Х е л ь м е р. И вдобавок, как бы сама от себя? Скрыв от меня, что он был здесь? Не просил ли он и об этом?

Н о р а. Да, Торвальд, но...

Х е л ь м е р. Нора, Нора, и ты могла пойти на это? Сговариваться с таким человеком, обещать ему что-нибудь! Да еще вдобавок говорить мне неправду!

Н о р а. Неправду?

Х е л ь м е р. Ты разве не сказала, что никто не заходил? (*Грозит пальцем.*) Чтобы этого не было больше, певунья-пташка. У певчей пташки горлышко должно быть всегда чисто, ни единого фальшивого звука! (*Обнимает ее*

за талию.) Не так ли? Да, я так и знал. (*Выпускает ее.*) Ах, как у нас тепло, уютно. (*Перелистывает бумаги.*)

Н о р а (*занятая украшением елки, после короткой паузы*). Торвальд!

Х е л ь м е р. Что?

Н о р а. Я ужасно рада, что послезавтра костюмированный вечер у Стенборгов.

Х е л ь м е р. А мне ужасно любопытно, чем-то ты удивишь на этот раз.

Н о р а. Ах, эта глупая затея!

Х е л ь м е р. Ну?

Н о р а. Я никак не могу придумать ничего подходящего. Все у меня выходит как-то глупо, бессодержательно.

Х е л ь м е р. Неужели малютка Нора пришла к такому заключению?

Н о р а (*заходя сзади и опираясь локтями о спинку его кресла*). Ты очень занят, Торвальд?

Х е л ь м е р. Гм!

Н о р а. Что это за бумаги?

Х е л ь м е р. Банковские дела.

Н о р а. Уже?

Х е л ь м е р. Я добился от прежнего правления полномочий на необходимые изменения в личном составе служащих и в плане работ. На это и уйдет у меня рождественская неделя. Хочу, чтобы к Новому году все уже было налажено.

Н о р а. Так вот почему этот бедняга Кругстад...

Х е л ь м е р. Гм!

Н о р а (*по-прежнему опираясь локтями на спинку кресла, тихонько перебирает пальцами волосы мужа*). Не будь ты так занят, я бы попросила тебя

об одном огромном одолжении, Торвальд.

Х е л ь м е р. Послушаем. О чем же?

Н о р а. Ни у кого ведь нет такого вкуса, как у тебя. А мне бы так хотелось быть хорошенькой на этом костюмированном вечере. Торвальд, нельзя

ли тебе заняться мной, решить, чем мне быть и как одеться?

Х е л ь м е р. Ага, маленькая упрямецка ищет спасителя?

Н о р а. Да, Торвальд, мне не справиться без тебя.

Х е л ь м е р. Ладно, ладно. Подумаем и, верно, сумеем помочь горю.

Н о р а. Ах, как мило с твоей стороны! (*Снова отходит к елке, пауза.*) А как красиво выделяются красные цветы. Но скажи мне, то, в чем этот Кругстад провинился, - это правда очень дурно?

Х е л ь м е р. Он провинился в подлоге. Ты имеешь представление о том, что это такое?

Н о р а. Не из нужды ли он это сделал?

Х е л ь м е р. Да, или, как многие, по легкомыслию. И я не так бессердечен, чтобы бесповоротно осудить человека за один такой поступок.

Н о р а. Да, не правда ли, Торвальд?

Х е л ь м е р. Иной павший может вновь подняться нравственно, если

откровенно признается в своей вине и понесет наказание.

Н о р а. Наказание?

Х е л ь м е р. Но Кругстад не пошел этой дорогой. Он вывернулся всякими правдами и неправдами, и это погубило его нравственно.

Н о р а. По-твоему, надо было...

Х е л ь м е р. Ты представь себе только, как человеку с таким пятном на совести приходится лгать, изворачиваться, притворяться перед всеми, носить маску, даже перед своими близкими, даже перед женой и собственными детьми. И

вот насчет детей - это всего хуже, Нора.

Н о р а. Почему?

Х е л ь м е р. Потому что отравленная ложью атмосфера заражает, разлагает всю домашнюю жизнь. Дети с каждым глотком воздуха воспринимают зародыши зла.

Н о р а (*приближаясь к нему сзади*). Ты уверен в этом?

Х е л ь м е р. Ах, милая, я достаточно в этом убеждался в течение своей адвокатской практики. Почти все рано сбившиеся с пути люди имели лживых матерей.

Н о р а. Почему именно матерей?

Х е л ь м е р. Чаще всего это берет свое начало от матери. Но и отцы, разумеется, влияют в том же духе. Это хорошо известно всякому адвокату. А этот Кругстад целые годы отравлял своих детей ложью и лицемерием, вот почему

я и называю его нравственно испорченным. (*Протягивая к ней руки.*) Поэтому пусть моя милочка Нора обещает мне не просить за него. Дай руку, что обещаешь. Ну-ну, что это? Давай руку. Вот так. Значит, уговор. Уверю тебя, мне просто невозможно было бы работать вместе с ним; я испытываю прямо физическое отвращение к таким людям.

Н о р а (*высвобождает свою руку и переходит на другую сторону елки*). Как здесь жарко. А у меня столько хлопот...

Х е л ь м е р (*встает и собирает бумаги*). Да, мне тоже надо немножко позаняться до обеда вот этим. И костюмом твоим займусь. И повесить кое-что на елку в золотой бумажке у меня, пожалуй, найдется. (*Кладет ей руки на го-лову.*) Ах ты, моя бесценная певунья-пташка! (*Уходит в кабинет и закрывает за собой дверь.*)

Н о р а (*помолчав, тихо*). Э, что там! Не будет этого. Это невозможно. Должно быть невозможно.

А н н а - М а р и я (*в дверях налево*). Детки так умильно просят к мамаше.

Н о р а. Нет, нет, нет! Не пускай их ко мне! Побудь с ними, Анна-Мария.

А н н а - М а р и я. Ну хорошо, хорошо. (*Затворяет дверь.*)

Н о р а (*бледнея от ужаса*). Испортить моих малюток!.. Отравить семью! (*После короткой паузы, закидывая голову.*) Это неправда. Не может быть правдой, никогда, во веки веков!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Та же комната. В углу, возле пианино, стоит обобранная, обтрепанная, с обгоревшими свечами елка. На диване манто и шляпа Норы. Нора одна в волнении

бродит по комнате, наконец останавливается у дивана и берет свое манто.

Н о р а (*выпуская из рук манто*). Идет кто-то! (*Подходит к дверям, прислушивается*.) Нет... никого. Разумеется, никто сегодня не придет,- первый день рождества... И завтра тоже. Но, может быть... (*Отворяет дверь и выглядывает*.) Нет, в ящике для писем ничего нет, совершенно пуст. (*Возвращается назад*.) Э, глупости! Разумеется, он ничего такого на самом деле не сделает. Ничего такого быть не может. Это невозможно. У меня трое маленьких детей.

А н н а - М а р и я (*выходит из дверей налево, неся большую картонку*). Насилу отыскала эту картонку с маскарадными платьями.

Н о р а. Спасибо, поставь на стол.

А н н а - М а р и я (*ставит*). Только они, верно, бог знает в каком беспорядке.

Н о р а. Ах, разорвать бы их в клочки!

А н н а - М а р и я. Ну вот! Их можно починить. Только терпения немножко.

Н о р а. Так я пойду попрошу фру Линне помочь мне.

А н н а - М а р и я. Опять со двора? В такую-то погоду? Фру Нора простудится... захворает.

Н о р а. Это еще не так страшно... Что дети?

А н н а - М а р и я. Играют новыми игрушками, бедняжечки. Только...

Н о р а. Часто обо мне спрашивают?

А н н а - М а р и я. Привыкли ведь быть около мамашы.

Н о р а. Да, видишь, Анна-Мария, мне теперь нельзя будет так много бывать с ними, как прежде.

А н н а - М а р и я. Ну, малыши ко всему привыкают.

Н о р а. Ты думаешь? По-твоему, они забыли бы мать, если бы ее не стало?

А н н а - М а р и я. Господи помилуй! Не стало!

Н о р а. Слушай, Анна-Мария... я часто думаю... как это у тебя хватило духу отдать своего ребенка чужим?

А н н а - М а р и я. Пришлось; как же было иначе, коли я поступила кормилицей к малютке Норе?

Н о р а. Но как же ты захотела пойти в кормилицы?

А н н а - М а р и я. На такое-то хорошее место? Бедной девушке в такой беде радоваться надо было. Тот дурной человек ведь так-таки ничем и не помог

мне.

Н о р а. Но твоя дочь, верно, забыла тебя?

А н н а - М а р и я. Ну зачем же? Писала мне, и когда подтверждалась и когда замуж выходила.

Н о р а (*обвивая ее шею руками*). Старушка моя, ты была мне хорошей матерью, когда я была маленькой.

А н н а - М а р и я. У бедняжечки Норы не было ведь другой, кроме меня.

Н о р а. И не будь у моих малюток другой, я знаю, ты бы... Вздор, вздор, вздор! (*Открывает картонку.*) Пойди к ним. Мне теперь надо... Завтра увидишь, какой я буду красавицей.

А н н а - М а р и я. Верно, на всем балу никого краше не будет. (*Уходит налево.*)

Н о р а (*принимается опоражнивать картонку, но скоро бросает все*). Ах, только бы решиться выйти. Только бы никто не зашел. Только бы тут не случилось без меня ничего. Глупости. Никто не придет. Только не думать. Не думать об этом... Надо почистить муфту. Чудные перчатки, дивные перчатки... Не надо думать, не надо! Раз, два, три, четыре, пять, шесть...

(*Вскрикивает.*) А! Идут! (*Хочет кинуться к дверям, но останавливается в нерешительности.*)

Из передней входит фру Линне, уже без верхнего платья.

Ах, это ты, Кристина! И больше там никого нет?.. Как хорошо, что ты пришла.

Ф р у Л и н н е. Мне сказали, ты заходила ко мне, спрашивала меня.

Н о р а. Да, я как раз проходила мимо. Мне так нужна твоя помощь. Сядем сюда, на диван. Видишь, завтра вечером у верхних жильцов, у консула Стенборга, костюмированный вечер, и Торвальд хочет, чтобы я была неаполитанской рыбачкой и сплясала тарантеллу. Я выучилась на Капри.

Ф р у Л и н н е. Вот что? Так ты дашь целое представление?

Н о р а. Торвальд говорит, что надо. Так вот костюм. Торвальд заказал его мне еще там. Но теперь все пооборвалось, и я просто не знаю...

Ф р у Л и н н е. Ну, это мы живо поправим. Только отделка местами пооторвалась немножко. Иголки, нитки?.. А, тут все, что нужно.

Н о р а. Как это мило с твоей стороны.

Ф р у Л и н н е (*шьет*). Так ты завтра будешь костюмироваться, Нора? Знаешь, я зайду на минутку взглянуть на тебя разодетой. Но я совсем позабыла поблагодарить тебя за вчерашний приятный вечер.

Н о р а (*встает и ходит по комнате*). Ну, вчера, по-моему, было вовсе не так мило, как обычно. Тебе бы приехать к нам в город пораньше, Кристина.

Да,

Торвальд большой мастер устраивать все изящно и красиво.

Ф р у Л и н н е. И ты не меньше, я думаю. Недаром ты дочь своего отца. Но скажи, доктор Ранк всегда такой пришибленный, как вчера?

Н о р а. Нет, вчера он как-то особенно... Впрочем, он ведь страдает очень серьезной болезнью. У бедняги сухотка спинного мозга. Надо тебе сказать, отец у него был отвратительный человек, держал любовниц и все

такое. Вот сын и уродился таким хворым, понимаешь?

Ф р у Л и н н е (*опуская работу на колени*). Но, милочка Нора, откуда ты набралась таких познаний?

Н о р а (*прохаживаясь по комнате*). Э!.. Раз у тебя трое детей, значит, тебя иногда навещают такие... такие дамы, которые кое-что смыслят и в медицине. Ну, иной раз и расскажут кое о чем.

Фру Линне снова шьет; короткая пауза.

Ф р у Л и н н е. Доктор Ранк каждый день бывает у вас?

Н о р а. Каждый божий день. Он ведь лучший друг Торвальда с юных лет и мой хороший друг. Он совсем как свой у нас.

Ф р у Л и н н е. Но скажи ты мне: он человек вполне прямой? То есть не из таких, которые любят говорить людям приятные вещи?

Н о р а. Напротив. С чего ты это взяла?

Ф р у Л и н н е. Вчера, когда ты нас познакомила, он уверял, что часто слышал мое имя здесь в доме. А потом я заметила, что муж твой не имел даже понятия обо мне. Как же мог доктор Ранк?..

Н о р а. Да, это совершенно верно, Кристина. Торвальд так безгранично меня любит, что не хочет ни с кем делиться мною... как он говорит. В первое время он прямо-таки ревновал меня, стоило мне только заговорить о своих милых близких, о родных местах. Ну, я, понятно, и перестала. Но с доктором Ранком я часто разговариваю обо всем таком. Он, видишь ли, любит слушать.

Ф р у Л и н н е. Послушай, Нора, ты во многом еще ребенок. Я постарше тебя, поопытнее. И вот что я тебе скажу: тебе бы надо постараться выпутаться из этой истории - с доктором Ранком.

Н о р а. Из какой такой истории мне надо постараться выпутаться?

Ф р у Л и н н е. Из всех этих историй вообще. Вчера ты тут болтала что-то о богатом поклоннике, который завещает тебе деньги.

Н о р а. Да, только нет такого, к сожалению!.. Ну, и что же?

Ф р у Л и н н е. Доктор Ранк человек состоятельный?

Н о р а. Да, состоятельный.

Ф р у Л и н н е. И у него нет никого, о ком бы он должен был заботиться?

Н о р а. Никого. Но...

Ф р у Л и н н е. И он каждый день бывает здесь в доме?

Н о р а. Ну да, ты же это уже слышала.

Ф р у Л и н н е. Как же это воспитанный человек может быть настолько неделикатен?

Н о р а. Я тебя положительно не понимаю.

Ф р у Л и н н е. Не представляйся, Нора. Ты думаешь, я не догадываюсь, кто одолжил тебе те тысячу двести специй?

Н о р а. Да ты в уме? Как тебе в голову могло прийти? Наш друг, который ежедневно бывает у нас! Ведь это было бы невыносимо мучительное положение!

Ф р у Л и н н е. Значит, не он?

Н о р а. Уверяю же тебя. Мне и на ум прийти не могло ни на минуту!.. Да и где бы он тогда взял денег раздавать займы? Он получил наследство уже

позже.

Ф р у Л и н н е. Ну, это, пожалуй, счастье твое, дорогая Нора.

Н о р а. Нет, мне бы и в голову никогда не пришло просить у доктора Ранка... Впрочем, я вполне уверена, попроси я только у него...

Ф р у Л и н н е. Но ты, разумеется, этого не сделаешь.

Н о р а. Нет, естественно. Я как-то и представить себе этого не могу. Но я вполне уверена, что поговори я с доктором Ранком...

Ф р у Л и н н е. За спиной мужа?

Н о р а. Мне все-таки надо покончить то дело. Тоже за его спиной. Надо покончить.

Ф р у Л и н н е. Да, да, и я тебе вчера говорила, но...

Н о р а (*ходит взад и вперед*). Мужчине куда легче разделаться в таких случаях, чем женщине...

Ф р у Л и н н е. Если это ее собственный муж - да.

Н о р а. Пустяки. (*Останавливаясь*.) Раз уплачиваешь весь долг сполна, то ведь получаешь долговое обязательство обратно?

Ф р у Л и н н е. Само собой понятно.

Н о р а. И можно разорвать его в мелкие клочки, сжечь эту противную, грязную бумажонку?

Ф р у Л и н н е (*смотрит на Нору в упор, откладывает работу в сторону и медленно встает*). Нора, ты что-то скрываешь от меня.

Н о р а. Разве это заметно?

Ф р у Л и н н е. С тобой что-то случилось со вчерашнего утра, Нора, в чем дело?

Н о р а (*идя к ней*). Кристина! (*Прислушивается*.) Тсс! Торвальд вернулся. Слушай, поди пока к детям. Тор-вальд не любит, чтобы при нем возились с шитьем. Пусть Анна-Мария поможет тебе.

Ф р у Л и н н е (*собирает часть вещей*). Да, да, но я не уйду от вас, пока мы не поговорим на чистоту. (*Уходит налево*.)

В ту же минуту из передней входит Хельмер.

Н о р а (*идет к нему навстречу*). Ах, я жду не дождусь тебя, милый Торвальд.

Х е л ь м е р. Это швея, что ли?

Н о р а. Нет, это Кристина. Она помогает мне поправить костюм. Увидишь, какой эффект я произведу.

Х е л ь м е р. Да, разве я не удачно придумал?

Н о р а. Восхитительно! Но разве я тоже не умница, что слушаюсь тебя?

Х е л ь м е р (*берет ее за подбородок*). Умница - потому что слушаешься мужа? Ах ты, плутовка! Я знаю, ты не то хотела сказать. Но я не буду тебе мешать. Тебе, верно, надо примерять.

Н о р а. А ты, верно, за работу?

Х е л ь м е р. Да. (*Показывая кипу бумаг*.) Вот. Я заходил в банк. (*Хочет уйти к себе*.)

Н о р а. Торвальд...

Х е л ь м е р (*останавливаясь*). Что?

Н о р а. А если твоя белочка хорошенько попросит тебя об одной вещи?..

Х е л ь м е р. Ну и что же?

Н о р а. Ты бы сделал?

Х е л ь м е р. Сначала, естественно, надо знать - что именно.

Н о р а. Белка так бы разыгралась, расшалилась, позабавила бы тебя, если бы ты был так мил, послушался!

Х е л ь м е р. Так говори же.

Н о р а. Жаворонок заливался бы по всему дому, на все лады.

Х е л ь м е р. Ну, он и так не молчит.

Н о р а. Я изобразила бы тебе сальфиду, танец при лунном свете, Торвальд!

Х е л ь м е р. Нора... надеюсь, это не насчет вчерашнего опять?

Н о р а (*ближе к нему*). Да, Торвальд! Я прошу, умоляю тебя!

Х е л ь м е р. И у тебя в самом деле хватает духу опять поднимать этот вопрос?

Н о р а. Да, да, ты должен послушаться меня, должен оставить за Кругстадом его место в банке!

Х е л ь м е р. Но ведь, милая Нора, я решил взять на его место фру Линне.

Н о р а. Это страшно мило с твоей стороны, но ты можешь отказать кому-нибудь другому из конторщиков вместо Кругстада.

Х е л ь м е р. Нет, это просто невероятное упрямство! Из-за того, что ты тут надавала необдуманных обещаний похлопотать за него, я обязан!..

Н о р а. Не из-за того, Торвальд. Ради тебя самого. Этот человек пишет ведь в самых гадких газетах, - ты сам говорил. Он может ужасно повредить тебе. Я смертельно боюсь его.

Х е л ь м е р. Ага, понимаю. Ты вспоминаешь старину и пугаешься.

Н о р а. Что ты имеешь в виду?..

Х е л ь м е р. Ты, разумеется, вспоминаешь своего отца.

Н о р а. Да, ну да. Вспомни только, что злые люди писали о папе, как жестоко клеветали на него. Право, они добились бы его отставки, не пошли министерство ревизором тебя и не отнесись ты к папе с таким участием и доброжелательством.

Х е л ь м е р. Милочка Нора, между твоим отцом и мной существенная разница. Отец твой не был безукоризненным чиновником. А я именно таков и таким, надеюсь, останусь, пока буду занимать свой пост.

Н о р а. Ах, никто не знает, что могут придумать злые люди! И теперь как раз мы могли бы зажить так хорошо, спокойно, счастливо, мирно, без забот - ты, и я, и дети, Торвальд! Вот отчего я и прошу тебя так...

Х е л ь м е р. Да как раз, заступаясь за него, ты и лишаешь меня возможности оставить его. В банке уже известно, что я решил уволить Кругстада. Так надо, чтобы те-перь пошли разговоры, что новый директор меняет свои решения под влиянием жены...

Н о р а. А если бы и так? Что из этого?

Х е л ь м е р. Ну конечно, лишь бы упрямец добилась своего! Мне поставить себя в смешное положение перед всеми служащими?.. Дать людям повод

толковать, что мною управляют всякие посторонние влияния? Поверь, я бы скоро

испытал на себе последствия! И кроме того... есть обстоятельство, в силу которого совершенно невозможно оставить Кругстада в банке, пока я там директор.

Н о р а. Какое обстоятельство?

Х е л ь м е р. На его нравственные недочеты я бы еще мог в случае крайности посмотреть сквозь пальцы...

Н о р а. Не правда ли, Торвальд?

Х е л ь м е р. И, говорят, он довольно дельный работник. Но вот что: мы с ним знакомы с юности. Это одно из тех поспешных юношеских знакомств, из-за

которых человек потом часто попадает в неловкое положение. Да, я не скрою от

тебя: мы с ним даже на "ты". И он настолько бестактен, что и не думает скрывать этого при других. Напротив, он полагает, что это дает ему право быть фамильярным, он то и дело козыряет своим "ты", "ты, Хельмер". Уверю тебя, это меня в высшей степени коробит. Он в состоянии сделать мое положение в банке прямо невыносимым.

Н о р а. Торвальд, ты все это говоришь не серьезно.

Х е л ь м е р. Как так?

Н о р а. Ну да, потому что все это такие мелочные соображения.

Х е л ь м е р. Что такое ты говоришь? Мелочные? По-твоему, я мелочный человек?

Н о р а. Нет, напротив, милый Торвальд. И вот потому-то...

Х е л ь м е р. Все равно. Ты называешь мои побуждения мелочными, так, видно, и я таков. Мелочен! Вот как!.. Ну, надо положить всему этому конец. *(Идет к дверям в переднюю и зовет.)* Элене!

Н о р а. Что ты хочешь?

Х е л ь м е р *(роясь в бумагах)*. Положить конец. *(Вошедшей служанке.)*

Вот возьмите это письмо и сейчас же отправляйтесь. Найдите посыльного, и пусть он его доставит. Только живо. Адрес написан. Вот деньги.

С л у ж а н к а. Хорошо. *(Уходит с письмом.)*

Х е л ь м е р *(собирая бумаги)*. Так-то, госпожа упрямица!

Н о р а *(затаив дыхание)*. Торвальд, что это было за письмо?

Х е л ь м е р. Увольнение Кругстада.

Н о р а. Верни, верни назад, Торвальд! Еще не поздно, Торвальд, верни! Ради меня, ради себя самого, ради детей. Слышишь, Торвальд, верни. Ты не знаешь, как это может отозваться на нас всех.

Х е л ь м е р. Поздно.

Н о р а. Да, поздно.

Х е л ь м е р. Милая Нора, я извиняю тебе этот страх, хотя, в сущности, он обиден для меня. Да, да! Или, по-твоему, мне не обидно твое предположение, будто я могу опасаться мести какого-то сбившегося с пути крючкотвора? Но я все-таки тебя извиняю, потому что это так мило рисует твою

горячую любовь ко мне. *(Привлекает ее к себе.)* Так-то, моя милая, дорогая Нора. И затем пусть будет, что будет. Коли на то пойдет, поверь, у меня хватит и мужества и сил. Увидишь, я такой человек, который все может взять на себя.

Н о р а *(пораженная ужасом)*. Что ты хочешь сказать?

Х е л ь м е р. Все, говорю я...

Н о р а *(овладевая собой)*. Никогда я тебе не позволю.

Х е л ь м е р. Хорошо. Так поделимся с тобой, Нора... как муж и жена.

Так, как и быть надлежит. *(Лаская ее.)* Довольна теперь? Ну-ну-ну! Не надо таких испуганных голубиных глазок. Ведь это все же одни фантазии. А теперь ты бы проиграла тарантеллу и поупражнялась с тамбурином. Я пойду к себе и закрою все двери, так что ничего не услышу. Можешь шуметь, сколько хочешь.

(Оборачиваясь в дверях.) Да, если Ранк придет, скажи ему, где я. *(Кивая ей, уходит к себе и запирает за собой дверь.)*

Н о р а *(растерянная, испуганная, стоит как вкопанная и шепчет)*. С него станется. Он так и сделает. Сделает - во что бы то ни стало... Нет, никогда в жизни, ни за что! Нельзя допустить этого! Скорее все другое! Спасенье!.. Выход!..

Звонок в передней.

Доктор Ранк!.. Скорее все другое! Скорее все другое - что бы то ни было. *(Проводит руками по лицу и, сделав над собой усилие, идет и отворяет дверь в переднюю.)*

Доктор Ранк снимает с себя шубу в передней и вешает ее. В течение следующей сцены начинает смеркаться.

Здравствуйте, доктор Ранк. Я вас по звонку узнала. Но вы теперь не ходите к Торвальду, он, кажется, занят.

Р а н к. А вы? *(Входит в комнату.)*

Н о р а *(затворяет дверь в прихожую)*. О, вы знаете - для вас у меня всегда найдется свободная минутка.

Р а н к. Спасибо. Буду пользоваться этим, пока можно.

Н о р а. Что вы этим хотите сказать? Пока можно?..

Р а н к. Вот именно. Это вас пугает?

Н о р а. Вы так странно это сказали. Что же такое могло бы случиться?

Р а н к. То, чего я давно ожидал. Но, правда, я не думал, что это будет так скоро.

Н о р а *(хватает его за руку)*. Что такое вы узнали? Доктор, скажите же мне.

Р а н к *(сидя у печки)*. Плохо дело. Качусь под гору. Ничего не поделаешь.

Н о р а *(переводя дух)*. Так вы о себе?..

Р а н к. А то о ком же? Нечего лгать себе самому. Я самый жалкий из всех моих пациентов, фру Хельмер. На этих днях я произвел генеральную ревизию своего внутреннего состояния. Банкрот. Не пройдет, пожалуй, и месяца, как я буду гнить на кладбище.

Н о р а. Фу, как вы гадко выражаетесь.

Р а н к. Само дело из рук вон гадко. Но хуже всего, что еще до того будет много гадкого, безобразного. Теперь мне остается лишь единственное исследование. Покончу с ним и буду знать приблизительно, когда начнется разложение. И вот что я вам скажу. Хельмер со своею утонченною натурою питает непреодолимое отвращение ко всякому безобразию. Я не допущу его к своему одру...

Н о р а. Но, доктор Ранк...

Р а н к. Не допущу. никоим образом. Запру для него двери... Как только я совершенно уверюсь в наступлении худшего, я пошлю вам свою визитную карточку с черным крестом. Знайте тогда, что мерзость разрушения началась.

Н о р а. Нет, вы сегодня просто несносны. А мне-то так хотелось, чтобы вы сегодня были в особенно хорошем настроении.

Р а н к. Со смертью за плечами?.. И так расплачиваться за чужие грехи?! Где тут справедливость? И в каждой семье так или иначе сказывается подобное

же неумолимое возмездие.

Н о р а (*зажимая уши*). Вздор! Веселее, веселее!

Р а н к. Да, честное слово, только и остается смеяться надо всем этим. Моему бедному неповинному спинному мозгу приходится расплачиваться за веселые деньки офицерской жизни моего отца!

Н о р а (*у стола налево*). Он был очень падок на спаржу и страсбургские паштеты? Да?

Р а н к. Да, и на трюфели.

Н о р а. Да, да, и на трюфели. И на устрицы, кажется?

Р а н к. Да, и на устрицы, устрицы само собой.

Н о р а. И на всякие там портвейны да шампанское. Обидно, что все эти вкусные вещи непременно отзываются на спинном хребте.

Р а н к. И в особенности обидно, что они отзываются на злополучном хребте того, кто и не вкусил ни капельки от этих благ!

Н о р а. Да, это всего обиднее.

Р а н к (*пытливо глядя на нее*). Гм!..

Н о р а (*немного погодя*). Вы чему улыбнулись?

Р а н к. Нет, это вы усмехнулись.

Н о р а. Нет, вы улыбнулись, доктор!

Р а н к (*вставая*). А вы еще лукавее, чем я думал.

Н о р а. Меня сегодня так и подмывает выкинуть что-нибудь такое...

Р а н к. Заметно.

Н о р а (*кладет обе руки ему на плечи*). Милый, милый доктор Ранк, не покидайте нас с Торвальдом.

Р а н к. Ну, с этой потерей вы легко примиритесь. С глаз долой - и из сердца вон.

Н о р а (*испуганно смотрит на него*). Вы думаете?

Р а н к. Заведутся новые связи, и...

Н о р а. У кого заведутся новые связи?

Р а н к. И у вас, и у Хельмера, когда меня не станет. Да вы уже на пути к этому, кажется. На что понадобилась вам вчера вечером эта фру Линне?

Н о р а. Ай-ай, да уж не ревнуете ли вы меня к бедняжке Кристине?
Р а н к. Ну да. Она станет моей заместительницей здесь в доме. Когда мне придется отсутствовать, эта женщина, пожалуй...

Н о р а. Тсс! Не так громко. Она там.

Р а н к. И сегодня? Вот видите!

Н о р а. Она пришла только помочь мне починить мой костюм. Господи, какой вы несносный. (*Садится на диван.*) Ну, будьте же умницей, доктор Ранк. Завтра вы увидите, как чудно я буду плясать, и можете воображать себе, что это я для вас одного, - ну, конечно, и для Торвальда, само собой. (*Вынимает из картонки разные вещи.*) Доктор Ранк, садитесь тут. Я вам покажу что-то.

Р а н к (*садится*). Что такое?

Н о р а. Вот! Смотрите!

Р а н к. Шелковые чулки.

Н о р а. Телесного цвета. Разве не прелесть? Да, теперь темно, но завтра... Нет, нет, нет, вы увидите только до подъема. Впрочем, вам можно показать и повыше.

Р а н к. Гм!..

Н о р а. Что вы так критически смотрите? По-вашему, пожалуй, они не впору?

Р а н к. Об этом судить не берусь за отсутствием сколько-нибудь обоснованного мнения.

Н о р а (*глядит на него с минутой*). Фу, как вам не стыдно! (*Слегка ударяет его по уху чулками.*) Вот вам за это. (*Снова убирает вещи.*)

Р а н к. А какие же еще сокровища предстояло мне увидеть?

Н о р а. Ни крошечки больше не увидите. Вы несносный. (*Напевая, роется в вещах.*)

Р а н к (*после короткого молчания*). Сидя с вами вот так, запросто, я не понимаю... не постигаю... что случилось бы со мной, если бы я не бывал в вашем доме.

Н о р а (*улыбаясь*). Да, мне кажется, вы, в сущности, чувствуете себя у нас совсем недурно.

Р а н к (*тише, глядя в пространство*). И волей-неволей покинуть все это...

Н о р а. Глупости! Не покинете.

Р а н к (*по-прежнему*).. Уйти, не оставив даже сколько-нибудь благодарного воспоминания, хотя бы даже мимолетного сожаления... ничего, кроме пустого места, которое может быть занято первым встречным.

Н о р а. А если бы я теперь обратилась к вам с просьбой? Нет...

Р а н к. О чем?

Н о р а. О большом доказательстве вашей дружбы...

Р а н к. Ну-ну?

Н о р а. Нет, видите, я хочу сказать - об огромном одолжении.

Р а н к. Неужели вы в самом деле хоть раз доставили бы мне такое счастье?

Н о р а. Ах, вы не знаете, в чем дело.

Р а н к. Так скажите.

Н о р а. Нет, не могу, доктор. Это уж слишком огромное одолжение - тут и совет, и помощь, и услуга...

Р а н к. Чем больше, тем лучше. Но я не постигаю, что бы это могло быть. Говорите же! Разве я не пользуюсь вашим доверием?

Н о р а. Как никто другой. Вы мой вернейший, лучший друг - я знаю, знаю. Оттого и хочу сказать вам. Ну, хорошо, доктор. Вы должны помочь мне предотвратить что-то. Вы знаете, как искренне, как бесконечно любит меня Торвальд. Он ни на минуту не задумался бы отдать за меня жизнь.

Р а н к (*наклоняясь к ней*). Нора, вы думаете, он один-единственный?..

Н о р а (*слегка вздрогнув*). Один...

Р а н к. ...кто с радостью отдал бы свою жизнь за вас?

Н о р а (*удрученно*). Ну вот...

Р а н к. Я дал себе клятву, что вы узнаете об этом прежде, чем меня не станет. Более удобного случая мне не дожидаться. Да, Нора, теперь вы знаете. И знаете тоже, что мне вы можете довериться скорее, чем кому бы то ни было.

Н о р а (*встает, спокойным, ровным тоном*). Пропустите меня.

Р а н к (*давая ей пройти, а сам продолжая сидеть*). Нора...

Н о р а (*в дверях передней*). Элене, принеси лампу. (*Идет к печке.*) Ах, милый доктор Ранк, это было, право, нехорошо с вашей стороны.

Р а н к (*вставая*). Что я любил вас так же искренне, как другой? Это так дурно?

Н о р а. Нет, но что вы говорите мне об этом. И ведь вовсе не нужно было.

Р а н к. То есть? Или вы знали?..

Служанка входит с лампой, ставит ее на стол и уходит.

Нора... фру Хельмер... я спрашиваю, вы знали что-нибудь?

Н о р а. Ах, почему я знаю, что знала, чего не знала? Я, право, не могу сказать вам... И как это вас угораздило, доктор! Все было так хорошо.

Р а н к. По крайней мере вы теперь можете быть уверены, что я весь в вашем распоряжении и душой и телом. Так говорите...

Н о р а (*глядит на него*). После этого?

Р а н к. Прошу вас, дайте же мне узнать, в чем дело.

Н о р а. Ничего вы теперь не узнаете.

Р а н к. Нет, нет. Не наказывайте меня так. Дайте мне сделать для вас все, что только в силах человеческих.

Н о р а. Теперь вы ничего не можете сделать для меня. Впрочем, мне, пожалуй, и не надо никакой помощи. Увидите, что все это одни фантазии. Разумеется. Конечно. (*Садится на качалку, смотрит на него и улыбается.*) Да, скажу я вам, хороши вы! Вам не стыдно теперь, при лампе?

Р а н к. Нет, собственно говоря. Но, пожалуй, мне сразу надо удалиться... навсегда?

Н о р а. Совсем не надо. Естественно, вы будете приходить по-прежнему. Вы же знаете, Торвальд не может обойтись без вас.

Р а н к. А вы?

Н о р а. Ну, и мне всегда ужасно весело с вами, когда вы к нам приходите.

Р а н к. Вот это-то и сбивало меня с толку. Вы для меня загадка. Не раз мне казалось, что вам почти так же приятно мое общество, как и общество Хельмера.

Н о р а. Видите, некоторых людей любишь больше всего на свете, а с другими как-то больше всего хочется бывать.

Р а н к. Пожалуй, в этом есть доля правды.

Н о р а. Дома у себя я, разумеется, больше всех любила папу. Но мне всегда ужасно нравилось украдкой пробираться в комнату к прислуге. Там не поучали меня ни чуточку и там всегда велись такие веселые разговоры.

Р а н к. Ага, так вот кого я заменял вам.

Н о р а (*вскакивая и подбегая к нему*). Ах, милый, славный доктор Ранк, я совсем не то имела в виду. Но вы понимаете, что и с Торвальдом, как и с папой...

С л у ж а н к а (*входит из передней*). Барыня... (*Шепчет что-то и подает карточку.*)

Н о р а (*бросая взгляд на карточку*). А! (*Сует ее в карман.*)

Р а н к. Какая-нибудь неприятность?

Н о р а. Нет, нет, нисколько. Это просто... новый костюм мне...

Р а н к. Как? Да ведь вот он лежит.

Н о р а. Ах, это не тот. То другой. Я заказала... Но Торвальду не надо знать...

Р а н к. Ага, вот она, великая тайна!

Н о р а. Именно. Подите к нему. Он у себя. Задержите его пока.

Р а н к. Будьте спокойны. Он от меня не уйдет. (*Уходит в кабинет.*)

Н о р а (*служанке*). Так он ждет в кухне?

С л у ж а н к а. Да, пришел с черного хода.

Н о р а. Да ты разве не сказала ему, что тут посторонние?

С л у ж а н к а. Говорила, да не помогло.

Н о р а. Так он не хочет уходить?

С л у ж а н к а. Не хочет, пока не поговорит с барыней.

Н о р а. Так проведи его сюда, только тихонько, Элене. И никому не говори об этом. Это будет сюрприз мужу. Служанка. Да, да, понимаю, понимаю... (*Уходит.*) Нора. Беда идет... Идет все-таки. Нет, нет, нет! Не будет этого, не может быть! (*Идет и запирает дверь в кабинет на задвижку.*)

Служанка открывает дверь из передней, пропускает в комнату Кругстада и затворяет за ним дверь. Он в дорожной шубе высоких сапогах и меховой шапке.

Н о р а (*идя к нему навстречу*). Говорите потише - муж дома.

К р о г с т а д. И пусть его.

Н о р а. Что вам нужно от меня?

К р о г с т а д. Узнать кое о чем.

Н о р а. Так скорее. Что такое?

К р о г с т а д. Вам, конечно, известно, что меня уволили.

Н о р а. Я не могла помешать этому, господин Кругстад. Я до последней

крайности отстаивала вас, но все напрасно.

К р о г с т а д. Значит, ваш муж так мало любит вас? Знает, что я могу навлечь на вас, и все-таки отваживается?..

Н о р а. Как вы можете думать, что он знает об этом?

К р о г с т а д. Нет, я, в сущности, и не думал. Не в характере моего милого Торвальда Хельмера было бы выказать столько мужества...

Н о р а. Господин Кругстад, я требую уважения к моему мужу.

К р о г с т а д. Помилуйте, я с должным уважением. Но раз вы держите это дело под таким страшным секретом, я смею предполагать, что вы теперь лучше, нежели вчера, понимаете, что, собственно, вы совершили.

Н о р а. Лучше, чем вы могли бы когда-нибудь объяснить мне.

К р о г с т а д. Еще бы, такой плохой законник, как я!..

Н о р а. Что же вам нужно от меня?

К р о г с т а д. Я пришел только взглянуть, как у вас обстоят дела, фру Хельмер. Я весь день о вас думал. Ростовщик, крючоктвор, ну, словом, такой, как я, тоже, видите ли, не лишен того, что называется сердцем.

Н о р а. Так и докажите это. Подумайте о моих маленьких детях.

К р о г с т а д. А вы с вашим мужем подумали о моих? Ну, да теперь все равно. Я хотел только сказать вам, что вам нет нужды слишком принимать к сердцу это дело. На первых порах я не стану возбуждать против вас судебного преследования.

Н о р а. Не правда ли? О, я знала, знала.

К р о г с т а д. Все можно еще покончить миром. Незачем вмешивать сюда людей. Дело останется между нами троими.

Н о р а. Муж мой никогда ничего не должен знать об этом.

К р о г с т а д. Как же вы помешаете этому? Или вы можете уплатить все сполна?

Н о р а. Нет, сейчас, сразу - не могу.

К р о г с т а д. Или, быть может, у вас в виду какая-нибудь другая комбинация - вы достанете денег на днях?

Н о р а. Никакой такой комбинации, которою бы я могла воспользоваться.

К р о г с т а д. Да она и не помогла бы вам все равно. Выложи вы мне хоть сейчас чистоганом какую угодно сумму - вам не получить от меня обратно вашей расписки.

Н о р а. Так объясните же, что вы хотите с ней сделать.

К р о г с т а д. Только оставить ее у себя... сохранить. Никто посторонний и знать ничего не будет. Поэтому если бы вы теперь пришли к какому-нибудь отчаянному решению...

Н о р а. Именно.

К р о г с т а д. Если бы задумали бросить дом и семью...

Н о р а. Именно!

К р о г с т а д. Или додумались бы кое до чего еще похуже...

Н о р а. Откуда вы знаете?

К р о г с т а д. Так оставьте эти затеи.

Н о р а. Откуда вы знаете, что я додумалась до этого?

К р о г с т а д. Большинство из нас думает об этом - вначале. И я тоже в свое время... Да духу не хватило...

Н о р а (*упавшим голосом*). И у меня.

К р о г с т а д (*вздыхнув с облегчением*). Да, не так ли? И у вас, значит, тоже? Не хватает?

Н о р а. Не хватает, не хватает.

К р о г с т а д. Оно и глупо было бы. Стоит только первой домашней буре пройти... У меня в кармане письмо к вашему мужу...

Н о р а. И там все сказано?

К р о г с т а д. В самых мягких выражениях. Насколько возможно.

Н о р а (*быстро*). Это письмо не должно дойти до мужа. Разорвите его. Я найду все-таки выход, добуду денег.

К р о г с т а д. Извините, сударыня, я, кажется, только что сказал вам...

Н о р а. О, я не говорю о своем долге вам. Скажите мне, сколько вы хотите потребовать с мужа, и я добуду вам сама эти деньги.

К р о г с т а д. Я никаких денег не возьму с вашего мужа.

Н о р а. Чего же вы требуете?

К р о г с т а д. Сейчас узнаете. Я хочу стать на ноги, сударыня, хочу подняться, и ваш муж должен помочь мне. В течение полутора лет я ни в чем таком бесчестном не был замечен, и все это время я бился, как рыба об лед, но был доволен, что могу своим трудом подняться опять - мало-помалу. Теперь меня выгнали, и я уж не удовлетворюсь тем, что меня попросту примут обратно

- из милости. Я хочу подняться, говорю я вам. Хочу, чтобы меня приняли на службу в банк с повышением. Вашему мужу придется создать для меня особую

должность...

Н о р а. Никогда он этого не сделает!

К р о г с т а д. Сделает. Я его знаю. Он пикнуть не посмеет. А раз только я сяду там рядом с ним, - увидите: не пройдет и года - я буду правой рукой директора. Нильс Кругстад, а не Торвальд Хельмер будет править банком.

Н о р а. Никогда вы этого не дождетесь!

К р о г с т а д. Может быть, вы...

Н о р а. Теперь у меня хватает духу.

К р о г с т а д. Меня не испугаете. Такая нежная, избалованная дамочка, как вы...

Н о р а. Увидите! Увидите!

К р о г с т а д. Под лед, может быть? В ледяную, черную глубину. А весной всплыть обезображенной, неузнаваемой, с вылезшими волосами...

Н о р а. Вы меня не запугаете.

К р о г с т а д. А вы меня. Таких вещей не делают, фру Хельмер. Да и к чему бы это послужило? Он ведь все-таки будет у меня в руках.

Н о р а. И после того? Когда меня уже...

К р о г с т а д. Вы забываете, что тогда я буду властен над вашей

памятью.

Нора, онемев, смотрит на него.

Теперь вы предупреждены. Так не делайте никаких глупостей. Когда Хельмер получит мое письмо, я буду ждать от него весточки. И помните, ваш муж сам вынудил меня снова вступить на такой путь. Этого я никогда ему не прощу. До свидания, фру Хельмер. *(Уходит через переднюю.)*

Н о р а *(идет к двери в переднюю, приотворяет ее и прислушивается)*.

Уходит. Не отдает письма. О нет, нет, это ведь было бы невозможно!

Невозможно! *(Открывает дверь все больше и больше.)* Что это? Он стоит за дверями. Не спускается вниз. Раздумывает? Неужели он...

Слышно, как письмо падает в ящик, затем слышны шаги Кругстада, спускающегося с лестницы; постепенно шаги замирают внизу. Нора с подавленным

криком бежит назад в комнату к столу перед диваном. Короткая пауза.

Письмо!... В ящике! *(Робко крадется опять к дверям передней.)* Лежит там... Торвальд, Торвальд... теперь нам нет спасения!

Ф р у Л и н н е *(выходит с костюмом в руках из комнаты налево)*. Ну, больше уж я не знаю, что тут исправлять. Не примерить ли?

Н о р а *(тихо и хрипло)*. Кристина, поди сюда.

Ф р у Л и н н е *(бросая платье на диван)*. Что с тобой? Ты сама не своя.

Н о р а. Поди сюда. Видишь письмо? Там. Гляди сквозь стекло в ящике для писем.

Ф р у Л и н н е. Ну-ну, вижу, вижу.

Н о р а. От Кругстада...

Ф р у Л и н н е. Нора... ты заняла те деньги у Кругстада?

Н о р а. Да. И теперь Торвальд все узнает.

Ф р у Л и н н е. Поверь мне, Нора, так будет всего лучше для вас обоих.

Н о р а. Ты еще не все знаешь. Я подделала подпись...

Ф р у Л и н н е. Но, ради бога...

Н о р а. Я хочу просить тебя лишь об одном, Кристина, чтобы ты была свидетельницей.

Ф р у Л и н н е. Какой свидетельницей? В чем?

Н о р а. Если бы я потеряла рассудок, - а это легко может случиться...

Ф р у Л и н н е. Нора!

Н о р а. Или если бы со мной случилось что-нибудь другое - такое, что помешало бы мне быть здесь...

Ф р у Л и н н е. Нора, Нора, ты себя не помнишь!

Н о р а. Так если бы кто вздумал взять вину на себя, - ты понимаешь?..

Ф р у Л и н н е. Да, да, но как тебе в голову...

Н о р а. Ты засвидетельствуешь, что это неправда, Кристина. Я вовсе еще не рехнулась. Я в полном разуме. И говорю тебе: никто другой ничего не знал об этом. Я одна все сделала. Помни!

Ф р у Л и н н е. Да, да. Но я все-таки не понимаю...

Н о р а. Где же тебе понимать? Теперь готовится чудо.

Ф р у Л и н н е. Чудо?

Н о р а. Да, чудо. Но оно ужасно, Кристина, не надо его ни за что на

свете!

Ф р у Л и н н е. Я сейчас же пойду поговорю с Кругстадом.

Н о р а. Не ходи к нему. Он тебя обидит.

Ф р у Л и н н е. Было время, когда он готов был сделать для меня все, что угодно.

Н о р а. Он?

Ф р у Л и н н е. Где он живет?

Н о р а. Почему я знаю?.. Ах, да! *(Вынимает из кармана карточку.)* Вот его карточка. Но письмо, письмо!..

Х е л ь м е р *(из кабинета, стуча в дверь)*. Нора!

Н о р а *(вскрикивает в страхе)*. А! Что такое? Что тебе?

Х е л ь м е р. Ну, ну, не пугайся же так. Мы не войдем. Ты ведь заперла дверь. Примеряешь, что ли?

Н о р а. Да, да, примеряю. Ах, я буду такая хорошенькая, Торвальд.

Ф р у Л и н н е *(прочитав надпись на карточке)*. Он живет тут близехонько, за углом.

Н о р а. Да. Но ничего из этого не выйдет. Нам нет спасения. Письмо ведь в ящике.

Ф р у Л и н н е. А ключ у мужа?

Н о р а. Всегда.

Ф р у Л и н н е. Пусть Кругстад потребует свое письмо обратно нераспечатанным... Пусть найдет предлог...

Н о р а. Но как раз в это время Торвальд всегда...

Ф р у Л и н н е. Задержи его. Побудь с ним пока. Я вернусь как можно скорее. *(Быстро уходит через переднюю.)*

Н о р а *(идет к дверям кабинета, отворяет и заглядывает в комнату)*. Торвальд!

Х е л ь м е р *(из другой комнаты)*. Ну, впустят ли наконец человека в его собственную гостиную? Идем, Ранк, посмотрим. *(В дверях.)* Но что же это значит?

Н о р а. Что такое, милый?

Х е л ь м е р. Я ожидал, со слов Ранка, великолепной сцены с переодеванием...

Р а н к *(в дверях)*. Я так понял, но, видно, ошибся.

Н о р а. Никто не увидит меня во всем блеске до завтрашнего вечера.

Х е л ь м е р. Но, милая Нора, ты какая-то измученная.

Зарепетировалась?

Н о р а. Совсем еще не репетировала.

Х е л ь м е р. Однако это необходимо...

Н о р а. Совершенно необходимо, Торвальд. Но я ничего не могу поделать без тебя. Я все позабыла.

Х е л ь м е р. Ну, мы живо освежим это в памяти.

Н о р а. Да, уж ты непременно займись со мной, Торвальд. Обещаешь? Ах, я так боюсь. Такое большое общество... Пожертвуй мне весь нынешний вечер. Чтобы ни единого дела - пера в руки не брать! А? Так ведь, милый?

Х е л ь м е р. Обещаю. Весь вечер всецело буду к твоим услугам, бедное

мое, беспомощное созданище... Гм! Да... Сначала только... (*Идет к дверям в переднюю.*)

Н о р а. Зачем тебе туда?

Х е л ь м е р. Только взглянуть, нет ли писем.

Н о р а. Нет, нет, не надо, Торвальд!

Х е л ь м е р. Что еще?

Н о р а. Торвальд! Я прошу тебя! Там нет ничего.

Х е л ь м е р. Дай же взглянуть! (*Хочет идти.*) Нора бросается к пианино и начинает играть тарантеллу.

(*Останавливается у двери.*) Ага!

Н о р а. Я не могу плясать завтра, если не прорепетирую с тобой.

Х е л ь м е р (*идет к ней*). В самом деле ты так трусишь, милочка?

Н о р а. Страшно. Давай репетировать сейчас же. Время еще есть до ужина. Садись и играй мне, милый. Показывай, учи меня, как всегда!

Х е л ь м е р. С удовольствием, с удовольствием, раз ты так желаешь.

(*Садится за пианино.*)

Н о р а (*выхватывает из картонки тамбурин и длинный пестрый шарф, наскоро драпируется им, затем одним прыжком становится посреди комнаты и*

кричит). Играй же! Я танцую!

Хельмер играет, а Нора пляшет, доктор Ранк стоит позади Хельмера и смотрит.

Х е л ь м е р (*играя*). Медленнее, медленнее...

Н о р а. Не могу иначе.

Х е л ь м е р. Не так бурно, милочка!

Н о р а. Именно! Так и надо!

Х е л ь м е р (*обрывая*). Нет, нет, это совсем не годится.

Н о р а (*смеясь и потрясая тамбурином*). Ну не говорила ли я тебе?

Р а н к. Дайте, я сяду играть.

Х е л ь м е р (*встает*). Хорошо, мне так удобнее будет указывать ей.

Ранк садится за пианино и играет. Нора пляшет со все возрастающим жаром. Хельмер, встав у печки, беспрестанно делает Норе указания и замечания, но она как будто не слышит, волосы у нее распустились и падают по

плечам, она не обращает на это внимания, продолжая пляску. Входит фру Линне.

Ф р у Л и н н е (*останавливается как вкопанная у дверей*). А!

Н о р а (*продолжает плясать*). Видишь, какое у нас тут веселье, Кристина!

Х е л ь м е р. Но, милая, дорогая Нора! Ты пляшешь так, точно дело идет о жизни!

Н о р а. Так и есть.

Х е л ь м е р. Ранк, перестань. Это просто безумие. Перестань, говорю я!

Ранк перестает играть, а Нора разом останавливается.

(*Норе.*) Вот чему бы никогда не поверил - ты решительно перезабыла все,

чему я тебя учил.

Н о р а (*бросая тамбурин*). Сам видишь.

Х е л ь м е р. Да, придется подучиться.

Н о р а. Вот видишь, как необходимо заняться со мной. Ты будешь учить меня до последней минуты. Обещаешь, Торвальд?

Х е л ь м е р. Будь спокойна.

Н о р а. Ни сегодня, ни завтра чтобы у тебя и мысли другой в голове не было, только обо мне. И писем не вскрывать сегодня... не открывать ящик...

Х е л ь м е р. Ага! Все боишься того человека?

Н о р а. Да, да, и это тоже.

Х е л ь м е р. Нора, я вижу по твоему лицу, там есть уже письмо от него.

Н о р а. Не знаю. Кажется. Но ты не смей читать ничего такого теперь. Не надо нам никаких неприятностей, пока все не будет кончено.

Р а н к (*тихо Хельмеру*). Не противоречь ей.

Х е л ь м е р (*обнимая ее*). Ну хорошо, дитя добилось своего. Но завтра ночью после твоей пляски...

Н о р а. Тогда ты свободен.

С л у ж а н к а (*в дверях направо*). Барыня, стол накрыт.

Н о р а. Подай шампанского, Элене.

С л у ж а н к а. Хорошо. (*Уходит.*)

Х е л ь м е р. Эге-ге, так пир горой?

Н о р а. Пировать до зари. (*Кричит вслед служанке.*) И немножко миндальных печений, Элене... Нет, побольше!.. Один раз куда ни шло.

Х е л ь м е р (*беря ее за руки*). Ну-ну-ну, не надо этой дикой пугливости. Будь моим милым жаворонком, как всегда.

Н о р а. Да, да, буду, буду. Но поди пока туда. И вы, доктор. Кристина, помоги мне поправить волосы.

Р а н к (*тихо, направляясь с Хельмером направо*). Ведь не может же быть, чтобы тут было что-нибудь такое?.. Она не в положении?..

Х е л ь м е р. Ничего подобного, милый мой. Просто все тот же ребяческий страх, о котором я говорил тебе.

Уходят направо.

Н о р а (*фру Линне*). Ну?

Ф р у Л и н н е. Уехал за город.

Н о р а. Я догадалась по твоему лицу.

Ф р у Л и н н е. Вернется домой завтра вечером. Я оставила ему записку.

Н о р а. Не надо было. Ничему ты не помешаешь. И, в сущности, такой восторг - ждать с минуты на минуту чуда.

Ф р у Л и н н е. Чего ты ждешь?

Н о р а. Ах, тебе не понять. Ступай к ним. Я сию минуту.

Фру Линне идет направо. Нора стоит с минуту, словно стараясь прийти в себя, затем смотрит на часы.

Пять. Семь часов до полуночи. И затем двадцать четыре часа до полуночи. Тогда тарантелла будет кончена. Двадцать четыре да семь. Тридцать один час жизни.

Хельмер (в дверях направо). Ну, где же мой жаворонок?
Нора (бросаясь к нему с распростертыми объятиями). Вот он,
жаворонок!..

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Та же комната. Стол, стоявший перед диваном, передвинут на середину комнаты, вместе со стульями. На столе горит лампа. Дверь в переднюю открыта.

Из верхнего этажа доносятся звуки бальной музыки. Фру Линне сидит у стола, машинально перелистывая книгу, пытается читать, но, видимо, не в состоянии собрать мысли. Время от времени прислушивается, не идет ли кто.

Фру Линне (глядя на свои часы). Его все еще нет. А между тем времени теперь в обрез. Лишь бы он не... (Опять прислушивается.) А! Идет! (Направляется в переднюю и осторожно отпирает наружную дверь; на лестнице

слышны тихие шаги; она шепчет.) Войдите. Никого нет.

Крогстад (в дверях). Я нашел дома вашу записку. Что это значит?

Фру Линне. Мне необходимо поговорить с вами.

Крогстад. Вот как? И непременно здесь, в этом доме?

Фру Линне. У меня никак нельзя было. Моя комната не имеет отдельного хода. Войдите. Мы одни. Служанка спит, а Хельмеры наверху на вечере.

Крогстад (входит в комнату). Скажите! Хельмеры пляшут сегодня? В самом деле?

Фру Линне. Почему же нет?

Крогстад. Н-да, действительно.

Фру Линне. Так вот, Крогстад, давайте поговорим.

Крогстад. Разве нам с вами есть о чем говорить еще?

Фру Линне. Да, много о чем.

Крогстад. Не думал.

Фру Линне. Потому что никогда не понимали меня как следует.

Крогстад. Чего тут было не понимать? На что уж проще!

Бессердечная женщина спроваживает человека на все четыре стороны, как только ей представляется партия повыгоднее.

Фру Линне. Вы думаете, я все-таки совсем бессердечна? Вы думаете, мне легко было порвать?

Крогстад. А разве нет?

Фру Линне. Крогстад, неужели вы в самом деле так думали?

Крогстад. Иначе зачем бы вам писать мне тогда такое письмо?

Фру Линне. Да не могла я иначе! Раз мне приходилось порвать с вами, мой долг был вырвать из вашего сердца всякое чувство ко мне.

Крогстад (стиснув руки). Так вот что. И все это - лишь из-за

денег!

Ф р у Л и н н е. Не забудьте, у меня на руках были старуха мать и двое малолетних братьев. Мы не могли дожидаться вас, Кругстад. Ваши виды на будущее были тогда еще так неопределенны.

К р о г с т а д. Пусть так. Но вы не вправе были бросать меня ради кого бы то ни было.

Ф р у Л и н н е. Уж не знаю. Не раз я задавала себе этот вопрос - вправе ли я была.

К р о г с т а д (*понижив голос*). Когда я потерял вас, у меня как будто почва выскользнула из-под ног. Взгляните на меня: я похож на потерпевшего крушение, выплывшего на обломке судна.

Ф р у Л и н н е. За помощью, пожалуй, недалеко было идти.

К р о г с т а д. Она была близка. Но вы явились и загордили мне дорогу.

Ф р у Л и н н е. Сама того не зная, Кругстад. Я только сегодня узнала, что меня определяют на ваше место.

К р о г с т а д. Я верю вам, раз вы это говорите. Но теперь вы разве не уступите?

Ф р у Л и н н е. Нет. Это все равно не принесло бы вам никакой пользы.

К р о г с т а д. Э, пользы, пользы!.. Я бы на вашем месте все-таки сделал так.

Ф р у Л и н н е. Я научилась слушаться голоса рассудка. Жизнь и суровая, горькая нужда выучили меня.

К р о г с т а д. А меня жизнь выучила не верить словам.

Ф р у Л и н н е. Так жизнь выучила вас весьма разумной вещи. Ну, а делам вы ведь все-таки верите?

К р о г с т а д. То есть как это?

Ф р у Л и н н е. Вы сказали, что похожи на потерпевшего крушение, который выплыл на обломке.

К р о г с т а д. И, думается мне, имел основание сказать это.

Ф р у Л и н н е. И я тоже вроде женщины, потерпевшей крушение и выплывшей на обломке. Некого жалеть, не о ком заботиться!

К р о г с т а д. Сами выбрали себе долю.

Ф р у Л и н н е. Другого выбора у меня тогда не было.

К р о г с т а д. Ну и что же дальше?

Ф р у Л и н н е. Кругстад, а что если бы мы двое потерпевших крушение подали друг другу руки?

К р о г с т а д. Что такое вы говорите?

Ф р у Л и н н е. Вдвоем, вместе на обломках будет все-таки крепче, надежнее, чем держаться порознь, каждому отдельно.

К р о г с т а д. Кристина!

Ф р у Л и н н е. Зачем, по-вашему, я приехала сюда?

К р о г с т а д. Неужто вы вспомнили обо мне?

Ф р у Л и н н е. Без работы, без труда мне не прожить. Всю свою жизнь, насколько помню себя, я трудилась, и труд был моей лучшей и единственной отрадой. Но теперь я осталась одна как перст... Страшно пусто, одиноко...

Работать для себя одной мало радости. Кругстад, дайте мне цель - для чего и для кого работать.

К р о г с т а д. Не поверю я ничему такому. Это все одна женская восторженность, великодушная потребность жертвовать собой.

Ф р у Л и н н е. Вы замечали за мной когда-нибудь склонность к восторженности?

К р о г с т а д. Так вы в самом деле могли бы?.. Скажите мне... Вам все известно... о моем прошлом?

Ф р у Л и н н е. Да.

К р о г с т а д. И вы знаете, какая про меня идет слава?

Ф р у Л и н н е. Я поняла из ваших слов, что, по-вашему, со мной вы могли бы стать иным человеком.

К р о г с т а д. Конечно!

Ф р у Л и н н е. Так разве время ушло?

К р о г с т а д. Кристина... вы говорите вполне серьезно? Да, да. Я вижу по вашему лицу. Так у вас в самом деле хватит смелости?..

Ф р у Л и н н е. Мне надо кого-нибудь любить, о ком-нибудь заботиться, заменять кому-нибудь мать, а вашим детям нужна мать. Мы с вами нужны друг другу. Кругстад, я верю, что основа у вас хорошая; и с вами вместе я на все готова.

К р о г с т а д (*схватив ее руки*). Спасибо, спасибо, Кристина! Теперь уж я сумею подняться в глазах других... Ах, да я и забыл...

Ф р у Л и н н е (*прислушивается*). Тсс! Тарантелла! Уходите.

К р о г с т а д. Почему? В чем дело?

Ф р у Л и н н е. Слышите, наверху пляшут тарантеллу? Когда она будет кончена, они явятся сюда.

К р о г с т а д. Да, да, так я уйду. Да и к тому же все напрасно. Вы, разумеется, не знаете, на какой шаг я решился против Хельмеров.

Ф р у Л и н н е. Знаю, Кругстад.

К р о г с т а д. И все-таки у вас хватило бы духу?..

Ф р у Л и н н е. Я хорошо понимаю, до чего может довести отчаяние такого человека, как вы.

К р о г с т а д. Ах, если бы я мог вернуть сделанное!

Ф р у Л и н н е. Вы могли бы. Ваше письмо лежит еще в ящике.

К р о г с т а д. Вы уверены?

Ф р у Л и н н е. Вполне. Но...

К р о г с т а д (*пытливо глядит на нее*). Так не приходится ли так понять дело? Вы хотите во что бы то ни стало спасти подругу. Скажите напрямик. Так?

Ф р у Л и н н е. Кругстад! Кто раз продал себя из-за других, не сделает этого во второй раз.

К р о г с т а д. Я потребую свое письмо обратно.

Ф р у Л и н н е. Нет, нет.

К р о г с т а д. Естественно. Я дождусь Хельмера и скажу ему, чтобы он вернул мне мое письмо, что оно касается одного меня, моей отставки, что ему незачем его читать.

Ф р у Л и н н е. Нет, Кругстад, не требуйте своего письма обратно.

К р о г с т а д. Но скажите, разве не за этим, собственно, вы призвали меня сюда?

Ф р у Л и н н е. Да, в первую минуту, со страху. Но теперь прошли целые сутки, и просто не верится, чего только я за это время не насмотрелась здесь в доме. Пусть Хельмер все узнает. Пусть эта злополучная тайна выйдет на свет божий. Пусть они наконец объяснятся между собой на чистоту. Невозможно, чтобы это так продолжалось - эти вечные тайны, увертки.

К р о г с т а д. Ну хорошо, раз вы на это решаетесь... Но одно я, во всяком случае, могу сделать, и надо сделать это сейчас же...

Ф р у Л и н н е (*прислушиваясь*). Скорее! Уходите! Пляска кончена. Нас могут застать с минуты на минуту.

К р о г с т а д. Я дождусь вас внизу.

Ф р у Л и н н е. Хорошо. Потом проводите меня до дому.

К р о г с т а д. За всю мою жизнь я ни разу не был так невероятно счастлив! (*Уходит.*)

Дверь в переднюю остается по-прежнему открытой.

Ф р у Л и н н е (*немного прибирает на столе и prepares свою верхнюю одежду*). Какой поворот! Какой поворот! Будет для кого работать... для кого жить... куда внести свет и тепло. Да, придется-таки приналечь. Скорее бы приходили... (*Прислушивается.*) А, вот они. Скорей одеться. (*Надевает шляпу и манто*)

За сценой слышны голоса Хельмера и Норы; слышно, как повертывается ключ

в замке, и затем Хельмер почти силой вводит Нору в переднюю. Она в неаполитанском костюме и закутана в большую черную шаль. Он во фраке и в наброшенном сверху открытом черном домино.

Н о р а (*еще в дверях, сопротивляясь*). Нет, нет, нет! Не хочу сюда! Хочу опять наверх. Не хочу уходить так рано.

Х е л ь м е р. Но, милочка Нора...

Н о р а. Ну, я прошу тебя, умоляю, Торвальд... Ну, пожалуйста... еще хоть часочек!

Х е л ь м е р. Ни минутки больше, моя дорогая. Ты помнишь уговор? Вот так. Сюда. Ты еще простудишься тут в передней. (*Бережно ведет жену, несмотря на ее сопротивление, в комнату.*)

Ф р у Л и н н е. Добрый вечер!

Н о р а. Кристина!

Х е л ь м е р. Как, фру Линне, вы здесь, в такой поздний час?

Ф р у Л и н н е. Да, извините, мне так хотелось взглянуть на костюм Норы.

Н о р а. Так ты все сидела и ждала меня?

Ф р у Л и н н е. Да, я, к сожалению, опоздала, ты была уже наверху, ну, мне и не хотелось уходить, не поглядев на тебя.

Х е л ь м е р (*снимая шаль с Норы*). Ну, глядите же на нее хорошенько.

Право, стоит посмотреть. Чем не хороша, фру Линне?

Ф р у Л и н н е. Да, признаюсь...

Х е л ь м е р. Разве не дивно хороша? Там все в один голос признали это. Но она ужасная упрямица, эта милая крошка. Что поделаете? Представьте себе, мне чуть не силой пришлось увести ее оттуда.

Н о р а. Ах, Торвальд, ты еще раскаешься, что не дал мне повеселиться еще хоть полчасика.

Х е л ь м е р. Слышите, фру Линне! Она пляшет тарантеллу... производит фурор... вполне заслуженный... хотя исполнение было, пожалуй, чересчур безыскусственно-то есть более натурально, нежели это, строго говоря, желательнее с точки зрения искусства. Ну да пусть! Главное - она произвела фурор, огромный фурор. И дать ей остаться после этого? Ослабить впечатление?

Нет, спасибо. Я подхватил мою прелестную капричианку, - капризную капричианку, можно бы сказать, - под ручку, марш-маршем по зале, общий поклон, и - как говорится в романах - прекрасное видение скрылось. Конец всегда должен быть эффектен, фру Линне. Но где мне втолковать это Норе? Никак. Фу, какая здесь жара! (*Сбрасывает домино и открывает дверь в кабинет.*) Э! Да там темно. Ну да, конечно. Извините... (*Уходит к себе и зажигает там свечи.*)

Н о р а (*быстрым шепотом, задыхаясь*). Ну, ну?

Ф р у Л и н н е (*тихо*). Я говорила с ним.

Н о р а. И что же?

Ф р у Л и н н е. Нора... ты должна все сказать мужу.

Н о р а (*упавшим голосом*). Я знала.

Ф р у Л и н н е. Тебе нечего опасаться со стороны Кругстада. Но ты должна все сказать.

Н о р а. Я не скажу.

Ф р у Л и н н е. Так письмо скажет.

Н о р а. Спасибо, Кристина. Я знаю, что теперь делать. Тсс!

Х е л ь м е р (*входит*). Ну, фру Линне, налюбовались ею?

Ф р у Л и н н е. Да, да, и теперь прощусь.

Х е л ь м е р. Уже? А эта ваша работа, вязанье?

Ф р у Л и н н е (*берет работу*). Да, благодарю. Чуть было не забыла.

Х е л ь м е р. Так вы и вяжете?

Ф р у Л и н н е. Случается.

Х е л ь м е р. Знаете, вы бы лучше вышивали.

Ф р у Л и н н е. Вот как? Почему?

Х е л ь м е р. Да это куда красивее. Видите: держат работу вот так, левой рукой, а правой делают стежки... вот так... легкими, свободными взмахами... Не правда ли?

Ф р у Л и н н е. Да, пожалуй...

Х е л ь м е р. Вязанье, напротив, не может выходить красиво; всегда как-то неуклюже. Взгляните: эти стиснутые руки... эти спицы... то вверх, то вниз... какая-то китайщина... А-а, какое великолепное шампанское там подавали!

Ф р у Л и н н е. Так прощай, Нора, и не упрячься больше.

Х е л ь м е р. Отлично сказано, фру Линне!

Ф р у Л и н н е. Спокойной ночи, господин директор.

Х е л ь м е р (*проводжая ее до дверей*). Спокойной ночи, спокойной ночи.

Надеюсь, благополучно доберетесь до дому. Я бы с удовольствием... но ведь вам недалеко. Спокойной ночи, спокойной ночи.

Фру Линне уходит, он запирает за нею дверь и возвращается.

Наконец-то спровадили ее. Ужасно скучная особа.

Н о р а. Ты очень устал, Торвальд?

Х е л ь м е р. Нет, ничуть.

Н о р а. И спать не хочешь?

Х е л ь м е р. Совсем нет. Напротив, я необычайно оживлен. А ты? Да, у тебя порядком усталый и сонный вид.

Н о р а. Да, я очень устала. И скоро усну.

Х е л ь м е р. Вот видишь! Значит, я хорошо сделал, что мы не остались дольше.

Н о р а. Ах, ты все хорошо делаешь.

Х е л ь м е р (*целуя ее в лоб*). Ну вот, жаворонок заговорил по-человечески. А ты заметила, как Ранк был сегодня оживлен?

Н о р а. Да? Разве? Мне не удалось с ним поговорить.

Х е л ь м е р. И мне почти тоже. Но я давно не видал его в таком хорошем настроении. (*Глядит на нее с минуту, затем подходит к ней поближе.*)

Гм!.. Однако как чудесно опять очутиться у себя дома. Ах ты, очаровательная юная красавица!

Н о р а. Не гляди на меня так, Торвальд!

Х е л ь м е р. Что? Мне нельзя смотреть на свое драгоценнейшее сокровище? На всю эту прелесть, которая принадлежит мне, мне одному, вся целиком!

Н о р а (*переходя на другую сторону стола*). Не надо так говорить со мной сегодня.

Х е л ь м е р (*следуя за нею*). У тебя в крови все еще кипит тарантелла, как погляжу. И оттого ты еще очаровательнее... Слышишь?.. Гости начинают расходиться. (*Понизив голос.*) Нора... скоро в доме все стихнет.

Н о р а. Надеюсь.

Х е л ь м е р. Не так ли, моя любимая? О, знаешь, когда я бываю с тобою в обществе, знаешь, почему я там мало говорю с тобой, держусь от тебя подальше, лишь украдкой поглядываю на тебя?.. Знаешь почему? Потому что я представляю себе, будто ты моя тайная любовь, что мы с тобой обручены тайком

и никто даже не подозревает, что между нами есть что-то.

Н о р а. Да, да, да, я ведь знаю, что все твои мысли около меня.

Х е л ь м е р. А когда мы собираемся уходить и я накидываю шаль на твои нежные, юные плечи... на этот дивный изгиб шеи от затылка... я представляю себе, что ты моя юная невеста... что мы прямо из-под венца... что я впервые введу тебя сейчас в свой дом... в первый раз останусь с тобой

наедине... один с тобой, моя юная, трепещущая прелесть! Весь этот вечер у меня не было иной мысли, иного желания, кроме тебя. Когда я увидел, как ты носишься и манишь в тарантелле... у меня кровь закипела... я не мог больше... Оттого я и увлек тебя оттуда так рано...

Н о р а. Поди, Торвальд... Оставь меня. Я не хочу...

Х е л ь м е р. Что это значит? Ты меня поддразниваешь, малютка Нора? Не хочу?.. Или я тебе не муж?..

Стук во входную дверь.

Н о р а (*вздрагивая*). Слышишь?

Х е л ь м е р (*оборачивается*). Кто там?

Р а н к (*за дверями*). Это я. Можно на минутку?

Х е л ь м е р (*тихо, с досадой*). И что ему теперь понадобилось?

(*Громко.*) Сейчас. (*Идет и отпирает дверь.*) Вот это славно, что ты не прошел мимо нас.

Р а н к. Мне послышался твой голос, вот и захотелось заглянуть к вам.

(*Окинув комнату беглым взглядом.*) Н-да, эти милые знакомые места. Хорошо у

вас здесь, уютно, у вас - обоих.

Х е л ь м е р. Кажется, тебе и наверху было сегодня хорошо, уютно.

Р а н к. Восхитительно. И почему бы нет? Отчего не взять от жизни все, что она дает? Во всяком случае, сколько можно и пока можно. Вино было превосходное...

Х е л ь м е р. Особенно шампанское!..

Р а н к. И ты заметил? Просто не верится, сколько я мог влить в себя.

Н о р а. Торвальд тоже выпил сегодня много шампанского.

Р а н к. Да?

Н о р а. Да, а после этого он всегда в отличном настроении.

Р а н к. Да что ж, почему и не кутнуть разок вечером после проведенного с пользой дня?

Х е л ь м е р. Проведенного с пользой! Этим я, к сожалению, не могу похвалиться.

Р а н к (*ударяя его по плечу*). А я так могу!

Н о р а. Доктор Ранк, вы, наверное, предпринимали сегодня какое-нибудь научное исследование?

Р а н к. Вот именно.

Х е л ь м е р. Те-те-те! Малютка Нора говорит о научных исследованиях?

Н о р а. И можно поздравить - с успехом?

Р а н к. Н-да, можете.

Н о р а. Значит, результат получился хороший?

Р а н к. Наилучший и для врача и для пациента - уверенность.

Н о р а (*быстро, пылливо*). Уверенность?

Р а н к. Полная уверенность. Ну как не кутнуть после этого?

Н о р а. Да, вы правильно сделали, доктор.

Х е л ь м е р. И я то же скажу. Только бы тебе не пришлось расплачиваться за это завтра.

Р а н к. Ну, даром ничего в этой жизни не дается!

Н о р а. Доктор Ранк, вы, верно, охотник до маскарадов?

Р а н к. Да, если много забавных масок...

Н о р а. Слушайте же, чем нам с вами нарядиться в следующий раз?

Х е л ь м е р. Ах ты, ветрогонка! Ты уж думаешь о следующем разе?

Р а н к. Нам с вами? Сейчас скажу. Вам - баловнем счастья...

Х е л ь м е р. А ты придумай-ка наряд, который бы ясно выразил эту мысль.

Р а н к. Пусть твоя жена явится такой, какой она всегда бывает в жизни...

Х е л ь м е р. Вот это метко сказано. Ну, а ты придумал, чем сам явишься?

Р а н к. Да, дружище, это у меня решено.

Х е л ь м е р. Ну?

Р а н к. На следующем маскараде я появлюсь невидимкой...

Х е л ь м е р. Вот так выдумка!

Р а н к. Есть такая большая черная шапка, - или ты не слыхал о шапке-невидимке? Стоит надеть ее - и человека как не бывало.

Х е л ь м е р (*подавляя улыбку*). Да, это так.

Р а н к. Но я совсем забыл, для чего, собственно, зашел. Хельмер, дай-ка мне сигару, из гаванских, потемнее.

Х е л ь м е р. С величайшим удовольствием. (*Предлагает портсигар.*)

Р а н к (*берет одну и обрезает кончик*). Спасибо.

Н о р а (*зажигая спичку*). А мне позвольте предложить вам огоньку.

Р а н к. Спасибо вам.

Она держит перед ним спичку, и он закуривает.

И прощайте!

Х е л ь м е р. Прощай, прощай, дружище!

Н о р а. Спокойного сна, доктор Ранк.

Р а н к. Спасибо за пожелание.

Н о р а. Пожелайте мне того же.

Р а н к. Вам? Ну, раз вы хотите - спокойного сна. И спасибо за огонек.

(*Кивает им обоим и уходит.*)

Х е л ь м е р (*вполголоса*). Здорово выпил.

Н о р а (*рассеянно*). Пожалуй.

Хельмер вынимает из кармана ключи и идет в переднюю.

Торвальд... зачем ты?

Х е л ь м е р. Надо опорожнить ящик. Он уже полон. Места не хватит для утренних газет...

Н о р а. Ты хочешь работать ночью?

Х е л ь м е р. Ты знаешь, что не хочу... Что это? Тут кто-то возился с замком!

Н о р а. С замком?

Х е л ь м е р. Да, конечно. Что же это там застряло? Нельзя допустить, чтобы прислуга... Да, тут сломанная шпилька. Нора, твоя шпилька!

Н о р а (*быстро*). Ах, так это, верно, дети...

Х е л ь м е р. Ну, их надо отвадить от этого. Гм!.. Гм!.. Ну,

наконец-то удалось отпереть. *(Вынимает из ящика письма и кричит в кухню.)*
Элене! Элене! Надо погасить лампу в передней. *(Входит в комнату и запирает*

дверь в переднюю, показывая Норе кипу писем.) Вот видишь, сколько набралось!

(Перебирая письма.) Это что такое?

Н о р а *(у окна)*. Письмо! Не надо, не надо, Торвальд!

Х е л ь м е р. Две визитных карточки от Ранка.

Н о р а. От Ранка?

Х е л ь м е р *(глядит на них)*. “Доктор медицины Ранк”. Они сверху лежали: видно, он сунул их, уходя.

Н о р а. На них что-нибудь написано?

Х е л ь м е р. Над именем сверху черный крест. Гляди. Что за жуткая фантазия! Точно извещает о собственной смерти.

Н о р а. Так оно и есть.

Х е л ь м е р. Что? Ты что-нибудь знаешь? Он тебе говорил что-нибудь?

Н о р а. Да. Раз мы получили эти карточки, он, значит, простился с нами. Теперь запрется у себя и умрет.

Х е л ь м е р. Мой бедный друг!.. Я так и знал, что мне недолго удастся сохранить его. Но чтобы так скоро... И спрячется от всех, как раненый зверь...

Н о р а. Раз чему быть - так лучше без лишних слов. Так ведь, Торвальд?

Х е л ь м е р *(ходит взад и вперед)*. Мы так сжились с ним. Я как-то не могу себе представить, что его не будет. Он, его страдания, его одиночество создавали какой-то легкий облачный фон нашему яркому, как солнце, счастью...

Ну, а может быть, оно и к лучшему. Для него, во всяком случае.

(Останавливается.) Да, пожалуй, и для нас, Нора. Теперь мы с тобой будем одни - всецело друг для друга. *(Обнимая ее.)* Моя любимая... Мне все кажется, что я недостаточно крепко держу тебя. Знаешь, Нора... не раз мне хотелось, чтобы тебе грозила неминуемая беда и чтобы я мог поставить на карту свою жизнь и кровь - и все, все ради тебя.

Н о р а *(высвобождаясь, твердо, решительно)*. Прочти же твои письма, Хельмер.

Х е л ь м е р. Нет, нет, не сегодня. Я хочу быть с тобой, моя ненаглядная, у тебя.

Н о р а. Зная, что друг твой умирает?

Х е л ь м е р. Ты права. Это взволновало нас обоих. В наши отношения вторглось нечто некрасивое - мысль о смерти, о разложении. Надо сначала освободиться от этого. Пока что разойдемся каждый к себе....

Н о р а *(обвивая его шею руками)*. Торвальд... спокойной ночи!
Спокойной ночи!

Х е л ь м е р *(целуя ее в лоб)*. Спокойной ночи, моя певунья-пташечка!
Спи спокойно, Нора. Теперь я прочту письма. *(Уходит с письмами в кабинет и затворяет за собой дверь.)*

Н о р а *(с блуждающим взглядом, шатаясь, бродит по комнате, хватается*

домино Хельмера, набрасывает на себя и шепчет быстро, хрипло, прерывисто).

Никогда не видать его больше. Никогда. Никогда. Никогда. (*Набрасывает на голову шаль.*) И детей тоже никогда не видать. И их тоже. Никогда. Никогда. Никогда... О-о! Прямо в темную, ледяную воду... в бездонную глубину... О-о! Скорее бы уж конец, скорее... Вот теперь он взял письмо... читает... Нет, нет, еще не сейчас... Торвальд, прощай! И ты и дети... (*Хочет кинуться в переднюю.*)

В эту минуту дверь кабинета распахивается, и на пороге появляется Хельмер с распечатанным письмом в руках.

Х е л ь м е р. Нора!

Н о р а (*громко вскрикивает*). А!

Х е л ь м е р. Что это? Ты знаешь, что в этом письме?

Н о р а. Знаю. Пусти меня! Дай уйти!

Х е л ь м е р (*удерживая ее*). Куда ты?

Н о р а (*пытаясь вырваться*). И не думай спасать меня, Торвальд.

Х е л ь м е р (*отшатываясь*). Правда! Значит, правда, что он пишет? Ужасно! Нет, нет! Это невозможно, чтобы это было правдой.

Н о р а. Это правда. Я любила тебя больше всего в мире.

Х е л ь м е р. Ах, поди ты со своими вздорными увертками!

Н о р а (*делая шаг к нему*). Торвальд!..

Х е л ь м е р. Несчастная... Что ты наделала?!

Н о р а. Дай мне уйти. Нельзя, чтобы ты платился за меня. Ты не должен брать этого на себя.

Х е л ь м е р. Не ломай комедию! (*Запирает дверь в переднюю на ключ.*)

Ни с места, пока не дашь мне от-чета. Ты понимаешь, что ты сделала?

Отвечай! Ты понимаешь?

Н о р а (*глядит на него в упор и говорит с застывшим лицом*). Да, теперь начинаю понимать - вполне.

Х е л ь м е р (*шагая по комнате*). О, какое ужасное пробуждение! Все эти восемь лет... она, моя радость, моя гордость... была лицемеркой, лгуньей... хуже, хуже... преступницей! О, какая бездонная пропасть грязи, безобразия! Тьфу! Тьфу!

Нора молчит и по-прежнему не отрываясь глядит на него.

(*Останавливается перед ней.*) Мне бы следовало предчувствовать возможность подобного. Следовало предвидеть. Все легкомысленные принципы

твоего отца... Молчи. Ты унаследовала все легкомысленные принципы своего отца. Ни религии, ни морали, ни чувства долга... О, как я наказан за то, что взглянул тогда на его дело сквозь пальцы. Ради тебя. И вот как ты меня отблагодарила.

Н о р а. Да, вот как.

Х е л ь м е р. Теперь ты разрушила все мое счастье. Погубила все мое будущее. Ужас подумать! Я в руках бессовестного человека. Он может сделать со мной, что хочет, требовать от меня, чего угодно, приказывать мне, помыкать мной, как вздумается. Я пикнуть не посмею. И упасть в такую яму,

погибнуть таким образом из-за ветреной женщины!

Н о р а. Раз меня не будет на свете, ты свободен.

Х е л ь м е р. Ах, без фокусов! И у твоего отца всегда были наготове такие фразы. Мне-то какой будет прок из того, что тебя не будет на свете, как ты говоришь. Ни малейшего. Он все-таки может раскрыть дело. А раз он это

сделает, меня, пожалуй, заподозрят в том, что я знал о твоём преступлении. Пожалуй, подумают, что за твоей спиной стоял я сам, что это я тебя подучил! И за все это я могу благодарить тебя! А я-то носил тебя на руках все время. Понимаешь ли ты теперь, что ты мне причинила?

Н о р а (*с холодным спокойствием*). Да.

Х е л ь м е р. Это до того невероятно, что я просто опомниться не могу. Но придется постараться как-нибудь вы-путаться. Сними шаль. Сними, говорю тебе! Придется как-нибудь ублажить его. Дело надо замять во что бы то

ни стало. А что касается нас с тобой, то нельзя и виду подавать: надо держаться, как будто все у нас идет по-старому. Но это, разумеется, только для людей. Ты, значит, останешься в доме, это само собой. Но детей ты не будешь воспитывать. Я не смею доверить их тебе... О-о! И это мне приходится говорить той, которую я так любил и которую еще... Но этому конец. Отныне нет уже речи о счастье, а только о спасении остатков, обломков, декорума! Звонок в передней.

(*Вздрагивая*.) Кто это? Так поздно. Неужели надо ждать самого ужасного?.. Неужели он?.. Спрячься, Нора! Скажись больною!

Нора не двигается с места. Хельмер идет и отворяет дверь в переднюю.

С л у ж а н к а (*полуодетая, из передней*). Письмо барыне.

Х е л ь м е р. Давай сюда. (*Хватает письмо и затворяет дверь*.) Да, от него. Ты не получишь. Я сам прочту.

Н о р а. Прочти.

Х е л ь м е р (*около лампы*). У меня едва хватает духу. Быть может, мы уже погибли, и ты и я... Нет, надо же узнать. (*Лихорадочно вскрывает конверт, пробегает глазами несколько строк, смотрит на вложенную в письмо*

бумагу и радостно вскрикивает.) Нора!

Нора вопросительно смотрит на него.

Нора... Нет, дай прочесть еще раз... Да, да, так. Спасен! Нора, я спасен!

Н о р а. А я?

Х е л ь м е р. И ты, разумеется. Мы оба спасены, и ты и я. Гляди! Он возвращает тебе твое долговое обязательство. Пишет, что раскаивается и жалеет... что счастливый поворот в его судьбе... Ну да все равно, что он там пишет. Мы спасены, Нора! Никто тебе ничего не может сделать. Ах, Нора, Нора!.. Нет, сначала уничтожить всю эту га-дость. Посмотрим-ка...

(*Бросает взгляд на расписку*.) Нет, и смотреть не хочу. Пусть все это будет для меня только сном. (*Разрывает в клочки и письмо и долговое обязательство*,

бросает в печку и смотрит, как все сгорает.) Вот так. Теперь и следа не осталось... Он писал, что ты с сочельника... Ах, какие же это были, ужасные три дня для тебя, Нора!

Н о р а. Я жестоко боролась эти три дня.

Х е л ь м е р. И страдала и не видела другого исхода, как... Нет, не надо и вспоминать обо всем этом ужасе. Будем теперь только радоваться и твердить: все прошло, прошло! Слушай, же, Нора, ты как будто еще не понимаешь, что все прошло. Что же это такое... Ты как будто окаменела? Ах, бедная малютка Нора, я понимаю, понимаю. Тебе не верится, что я простил тебя. Но я простил, Нора, клянусь, я простил тебе все. Я ведь знаю: все, что ты наделала, ты сделала из любви ко мне.

Н о р а. Это верно.

Х е л ь м е р. Ты любила меня, как жена должна любить мужа. Ты только не смогла хорошенько разобраться в средствах. Но неужели ты думаешь, что я буду меньше любить тебя из-за того, что ты неспособна действовать самостоятельно? Нет, нет, смело обопрись на меня, я буду твоим советчиком, руководителем. Я не был бы мужчиной, если бы именно эта женская беспомощность не делала тебя вдвое милее в моих глазах. Ты не думай больше

о

тех резких словах, которые вырвались у меня в минуту первого испуга, когда мне показалось, что все вокруг меня рушится. Я простил тебя, Нора. Клянусь тебе, я простил тебя.

Н о р а. Благодарю тебя за твое прощение. *(Уходит в дверь направо.)*

Х е л ь м е р. Нет, постой... *(Заглядывая туда.)* Ты что хочешь?

Н о р а *(из другой комнаты)*. Сбросить маскарадный костюм.

Х е л ь м е р *(у дверей)*. Да, да, хорошо. И постарайся успокоиться, прийти в себя, моя бедная напуганная певунья-пташка. Обопрись спокойно на меня, у меня широкие крылья, чтобы прикрыть тебя. *(Ходит около дверей.)*

Ах,

как у нас тут славно, уютно, Нора. Тут твой приют, тут я буду лелеять тебя, как загнанную голубку, которую спас невредимой из когтей ястреба. Я сумею успокоить твое бедное трепещущее сердечко. Мало-помалу это удастся, Нора, поверь мне. Завтра тебе все уже покажется совсем иным, и скоро все пойдет опять по-старому, мне не придется долго повторять тебе, что я простил тебя. Ты сама почувствуешь, что это так. Как ты можешь думать, что мне могло

бы теперь прийти в голову оттолкнуть тебя или даже хоть упрекнуть в чем-нибудь? Ах, ты не знаешь сердца настоящего мужа, Нора. Мужу невыразимо

сладко и приятно сознавать, что он простил свою жену... простил от всего сердца. Она от этого становится как будто вдвойне его собственной - его неотъемлемым сокровищем. Он как будто дает ей жизнь вторично. Она становится, так сказать, и женой его и ребенком. И ты теперь будешь для меня и тем и другим, мое беспомощное, растерянное созданище. Не бойся ничего, Нора, будь только чистосердечна со мной, и я буду и твоей волей и твоей совестью... Что это? Ты не ложишься? Переделась?

Н о р а (*в обыкновенном домашнем платье*). Да, Торвальд, переделалась.

Х е л ь м е р. Да зачем? В такой поздний час?..

Н о р а. Мне не спать эту ночь...

Х е л ь м е р. Но, дорогая Нора...

Н о р а (*смотрит на свои часы*). Не так еще поздно. Присядь, Торвальд. Нам с тобой есть о чем поговорить. (*Садится к столу.*)

Х е л ь м е р. Нора... что это? Это застывшее выражение...

Н о р а. Присядь. Разговор будет долгий. Мне надо многое сказать тебе.

Х е л ь м е р (*садясь к столу напротив нее*). Ты меня пугаешь, Нора. И я не понимаю тебя.

Н о р а. В том-то и дело. Ты меня не понимаешь. И я тебя не понимала... до нынешнего вечера. Нет, не прерывай меня. Ты только выслушай меня... Сведем счеты, Торвальд.

Х е л ь м е р. Что такое ты говоришь?

Н о р а (*после короткой паузы*). Тебя не поражает одна вещь, вот сейчас, когда мы так сидим с тобой?

Х е л ь м е р. Что бы это могло быть?

Н о р а. Мы женаты восемь лет. Тебе не приходит в голову, что это ведь в первый раз мы с тобой, муж с женою, сели поговорить серьезно?

Х е л ь м е р. Серьезно... в каком смысле?

Н о р а. Целых восемь лет... больше... с первой минуты нашего знакомства мы ни разу не обменялись серьезным словом о серьезных вещах.

Х е л ь м е р. Что же мне было посвящать тебя в свои деловые заботы, которых ты все равно не могла мне облегчить.

Н о р а. Я не говорю о деловых заботах. Я говорю, что мы вообще никогда не заходили серьезной беседы, не пытались вместе обсудить что-нибудь, вникнуть во что-нибудь серьезное.

Х е л ь м е р. Ну, милочка Нора, разве это было по твоей части?

Н о р а. Вот мы и добрались до сути. Ты никогда не понимал меня... Со мной поступали очень несправедливо, Торвальд. Сначала папа, потом ты.

Х е л ь м е р. Что! Мы двое?.. Когда мы оба любили тебя больше, чем кто-либо на свете?

Н о р а (*качая головой*). Вы никогда меня не любили. Вам только нравилось быть в меня влюбленными.

Х е л ь м е р. Нора, что это за слова?

Н о р а. Да, уж так оно и есть, Торвальд. Когда я жила дома, с папой, он выкладывал мне все свои взгляды, и у меня оказывались те же самые; если же у меня оказывались другие, я их скрывала, - ему бы это не понравилось. Он звал меня своей куколкой-дочкой, забавлялся мной, как я своими куклами. Потом я попала к тебе в дом....

Х е л ь м е р. Что за выражение, когда говоришь о нашем браке!

Н о р а (*невозмутимо*). Я хочу сказать, что я из папиных рук перешла в твои. Ты все устраивал по своему вкусу, и у меня стал твой вкус или я только делала вид, что это так, - не знаю хорошенько. Пожалуй, и то и другое. Иногда бывало так, иногда этак. Как оглянусь теперь назад, мне кажется, я вела здесь самую жалкую жизнь, перебиваясь со дня на день!..

Меня

поили, кормили, одевали, а мое дело было развлекать, забавлять тебя, Торвальд. Вот в чем проходила моя жизнь. Ты так устроил. Ты и папа много виноваты передо мной. Ваша вина, что из меня ничего не вышло.

Х е л ь м е р. Нора! Какая нелепость! Какая неблагодарность! Ты ли не была здесь счастлива?

Н о р а. Нет, никогда. Я воображала, что была, но на самом деле никогда этого не было.

Х е л ь м е р. Ты не была... не была счастлива!

Н о р а. Нет, только весела. И ты был всегда так мил со мной, ласков.

Но весь наш дом был только большой детской. Я была здесь твоей куколкой-женой, как дома у папы была папиной куколкой-дочкой. А дети были уж

моими куклами. Мне нравилось, что ты играл и забавлялся со мной, как им нравилось, что я играю и забавляюсь с ними. Вот в чем состоял наш брак, Торвальд.

Х е л ь м е р. Тут есть, пожалуй, доля правды, как это ни преувеличенно и ни выспренне. Но теперь у нас все пойдет по-другому. Время забав прошло! Пора взяться за воспитание.

Н о р а. За чье? За мое или детей?

Х е л ь м е р. И за твое и за их, дорогая Нора.

Н о р а. Ах, Торвальд, не тебе воспитать из меня настоящую жену себе.

Х е л ь м е р. И ты это говоришь?

Н о р а. А я... разве я подготовлена воспитывать детей?

Х е л ь м е р. Нора!

Н о р а. Не сам ли ты сейчас лишь говорил, что не смеешь доверить мне этой задачи?

Х е л ь м е р. В минуту раздражения. Можно ли обращать на это внимание!

Н о р а. Нет, ты рассудил правильно. Эта задача не по мне. Мне надо сначала решить другую задачу. Надо постараться воспитать себя самое. И не у тебя мне искать по-мощи. Мне надо заняться этим одной. Поэтому я ухожу от тебя.

Х е л ь м е р (вскакивая). Что ты сказала?

Н о р а. Мне надо остаться одной, чтобы разобраться в самой себе и во всем прочем. Потому я и не могу остаться у тебя.

Х е л ь м е р. Нора! Нора!

Н о р а. И я уйду сейчас же. Кристина, верно, даст мне ночлег...

Х е л ь м е р. Ты не в своем уме! Кто тебе позволит! Я запрещаю!

Н о р а. Теперь напрасно запрещать мне что бы то ни было. Я возьму с собой лишь свое. От тебя ничего не возьму, ни теперь, ни после.

Х е л ь м е р. Что же это за безумие!

Н о р а. Завтра я уеду домой... то есть в мой родной город. Там мне будет легче устроиться.

Х е л ь м е р. Ах ты, ослепленное, неопытное создание!

Н о р а. Надо же когда-нибудь набраться опыта, Торвальд.

Х е л ь м е р. Покинуть дом, мужа, детей! И не подумаешь о том, что

скажут люди?

Н о р а. На это мне нечего обращать внимания. Я знаю только, что мне это необходимо.

Х е л ь м е р. Нет, это возмутительно! Ты способна так пренебречь самыми священными своими обязанностями!

Н о р а. Что ты считаешь самыми священными моими обязанностями?

Х е л ь м е р. И это еще нужно говорить тебе? Или у тебя нет обязанностей перед твоим мужем и перед твоими детьми?

Н о р а. У меня есть и другие, столь же священные.

Х е л ь м е р. Нет у тебя таких! Какие это?

Н о р а. Обязанности перед самой собою.

Х е л ь м е р. Ты прежде всего жена и мать.

Н о р а. Я в это больше не верю. Я думаю, что прежде всего я человек, так же как и ты, или, по крайней мере, должна постараться стать человеком. Знаю, что большинство будет на твоей стороне, Торвальд, и что в книгах говорится в этом же роде. Но я не могу больше удовлетворяться тем, что говорит большинство и что говорится в книгах. Мне надо самой подумать об

этих вещах и попробовать разобраться в них.

Х е л ь м е р. Как будто твое положение в собственном доме не ясно и без того? Да разве у тебя нет надежного руководства по таким вопросам? Нет религии?

Н о р а. Ах, Торвальд, я ведь не знаю хорошенько, что такое религия.

Х е л ь м е р. Что ты говоришь?

Н о р а. Я знаю это лишь со слов пастора Хансена, у которого готовилась к конфирмации. Он говорил, что религия то-то и то-то. Когда я высвобожусь из всех этих пут, останусь одна, я разберусь и в этом. Я хочу проверить, правду ли говорил пастор Хансен или, по крайней мере, может ли это быть правдой для

меня.

Х е л ь м е р. Нет, это просто неслыханно со стороны такой молоденькой женщины! Но если тебя не может вразумить религия, так дай мне задеть в тебе хоть совесть. Ведь нравственное-то чувство в тебе есть? Или - отвечай мне - и его у тебя нет?

Н о р а. Знаешь, Торвальд, на это нелегко ответить. Я, право, и этого не знаю. Я совсем как в лесу во всех этих вопросах. Знаю только, что я совсем иначе сужу обо всем, нежели ты. Мне вот говорят, будто и законы совсем не то, что я думала. Но чтобы эти законы были правильны - этого я никак не пойму. Выходит, что женщина не вправе пощадить своего умирающего

старика отца, не вправе спасти жизнь мужу! Этому я не верю.

Х е л ь м е р. Ты судишь, как ребенок. Не понимаешь общества, в котором живешь.

Н о р а. Да, не понимаю. Вот и хочу присмотреться к нему. Мне надо выяснить себе, кто прав - общество или я.

Х е л ь м е р. Ты больна, Нора. У тебя жар. Я готов подумать, что ты

потеряла рассудок.

Н о р а. Никогда еще не бывала я в более здоровом рассудке и твердой памяти.

Х е л ь м е р. И ты в здоровом рассудке и твердой памяти бросаешь мужа и детей?

Н о р а. Да.

Х е л ь м е р. Тогда остается предположить одно.

Н о р а. А именно?

Х е л ь м е р. Что ты меня больше не любишь.

Н о р а. Да, в этом-то все и дело.

Х е л ь м е р. Нора... И ты это говоришь!

Н о р а. Ах, мне самой больно, Торвальд. Ты был всегда так мил со мной. Но я ничего не могу тут поделать. Я не люблю тебя больше.

Х е л ь м е р (*с усилием преодолевая себя*). Это ты тоже решила в здоровом рассудке и твердой памяти?

Н о р а. Да, вполне здраво. Потому-то я и не хочу здесь оставаться.

Х е л ь м е р. И ты сумеешь также объяснить мне причину, почему я лишился твоей любви?

Н о р а. Да, сумею. Это случилось сегодня вечером, когда чудо заставило себя ждать. Я увидела, что ты не тот, за кого я тебя считала.

Х е л ь м е р. Объяснись получше, я совсем тебя не понимаю.

Н о р а. Я терпеливо ждала целых восемь лет. Господи, я ведь знала, что чудеса не каждый день бывают. Но вот на меня обрушился этот ужас. И я была непоколебимо уверена: вот теперь совершится чудо. Пока письмо Кростада лежало там, у меня и в мыслях не было, чтобы ты мог сдать на его условия. Я была непоколебимо уверена, что ты скажешь ему: объявляйте хоть всему свету. А когда это случилось бы...

Х е л ь м е р. Ну, что же тогда? Когда я выдал бы на позор и поругание собственную жену!..

Н о р а. Когда бы это случилось... я была так непоколебимо уверена, что ты выступишь вперед и возьмешь все на себя - скажешь: виновный - я.

Х е л ь м е р. Нора!

Н о р а. Ты хочешь сказать, что я никогда бы не согласилась принять от тебя такую жертву? Само собой. Но что значили бы мои уверения в сравнении

с

твоими?.. Вот то чудо, которого я ждала с таким трепетом. И чтобы помешать ему, я хотела покончить с собой.

Х е л ь м е р. Я бы с радостью работал для тебя дни и ночи,

Нора... терпел бы горе и нужду ради тебя. Но кто же пожертвует даже для любимого человека своей честью?

Н о р а. Сотни тысяч женщин жертвовали.

Х е л ь м е р. Ах, ты судишь и говоришь, как неразумный ребенок.

Н о р а. Пусть так. Но ты-то не судишь и не говоришь, как человек, на которого я могла бы положиться. Когда у тебя прошел страх, - не за меня, а за себя, - когда вся опасность для тебя прошла, с тобой как будто ничего и не бывало. Я по-старому осталась твоей птичкой, жаворонком, куколкой, с

которой тебе только предстоит обращаться еще бережнее, раз она оказалась такой хрупкой, непрочной. *(Встает.)* Торвальд, в ту минуту мне стало ясно, что я все эти восемь лет жила с чужим человеком и прижила с ним троих детей... О-о, и вспомнить не могу! Так бы и разорвала себя в клочья!

Х е л ь м е р *(упавшим голосом)*. Вижу, вижу... Действительно, между нами легла пропасть... Но разве ее нельзя заполнить, Нора?

Н о р а. Такою, какова я теперь, я не гожусь в жены тебе.

Х е л ь м е р. У меня хватит силы стать другим.

Н о р а. Быть может - если куклу у тебя возьмут.

Х е л ь м е р. Расстаться... расстаться с тобой!.. Нет, нет, Нора, представить себе не могу!

Н о р а *(идет направо)*. Тем это неизбежнее. *(Возвращается с верхней одеждой и небольшим саквояжем в руках, который кладет на стул возле стола.)*

Х е л ь м е р. Нора, Нора, не сейчас! Погоди хоть до утра.

Н о р а *(надевая манто)*. Я не могу ночевать у чужого человека.

Х е л ь м е р. Но разве мы не могли бы жить, как брат с сестрой?

Н о р а *(завязывая ленты шляпы)*. Ты отлично знаешь, так бы долго не протянулось... *(Накидывает шаль.)* Прощай, Торвальд. Я не буду прощаться с детьми. Я знаю, они в лучших руках, чем мои. Такой матери, как я теперь, им не нужно.

Х е л ь м е р. Но когда-нибудь, Нора... когда-нибудь?

Н о р а. Как я могу знать? Я совсем не знаю, что из меня выйдет.

Х е л ь м е р. Но ты моя жена и теперь и в будущем - какой бы ты ни стала.

Н о р а. Слушай, Торвальд... Раз жена бросает мужа, как я, то он, как я слышала, по закону свободен от всех обязательств по отношению к ней. Я, во всяком случае, освобождаю тебя совсем. Ты не считай себя связанным ничем, как и я не буду. Обе стороны должны быть вполне свободны. Вот твое кольцо. Отдай мне мое.

Х е л ь м е р. И это еще?

Н о р а. И это.

Х е л ь м е р. Вот.

Н о р а. Так. Теперь все покончено. Вот сюда я положу ключи. Прислуга знает все, что и как в доме, лучше, чем я. Завтра, когда меня не будет, Кристина придет уложить вещи, которые я привезла с собой из дому. Пусть их вышлют мне.

Х е л ь м е р. Конечно, конечно! Нора, ты и не вспомнишь обо мне никогда?

Н о р а. Нет, я, верно, часто буду вспоминать и тебя, и детей, и дом.

Х е л ь м е р. Можно мне писать тебе, Нора?

Н о р а. Нет... никогда. Этого нельзя.

Х е л ь м е р. Но ведь нужно же будет посылать тебе...

Н о р а. Ровно ничего, ничего.

Х е л ь м е р. Помогать тебе в случае нужды.

Н о р а. Нет, говорю я. Ничего я не возьму от чужого человека.

Х е л ь м е р. Нора, неужели я навсегда останусь для тебя только чужим?
Н о р а (*берет свой саквояж*). Ах, Торвальд, тогда надо, чтобы
совершилось чудо из чудес.

Х е л ь м е р. Скажи какое!

Н о р а. Такое, чтобы и ты и я изменились настолько... Нет, Торвальд, я
больше не верю в чудеса.

Х е л ь м е р. А я буду верить. Договаривай! Изменились настолько,
чтобы?..

Н о р а. Чтобы сожителство наше могло стать браком. Прощай. (*Уходит
через переднюю.*)

Х е л ь м е р (*падает на стул у дверей и закрывает лицо руками*). Нора!

Нора! (*Озирается и встает.*) Пусто. Ее нет здесь больше. (*Луч надежды
озаряет*

его лицо.) Но - чудо из чудес?!

Снизу раздается грохот захлопнувшихся ворот.